

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

19 декабря 2012 г.

№9

1 ГЛАВНОЕ.
О ПОСЛАНИИ
ПРЕЗИДЕНТА
ФЕДЕРАЛЬНОМУ
СОБРАНИЮ

5 БОЛЬШАЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
ВОЙНА. ЧАСТЬ
VIII. ЯДЕРНАЯ
ЭНЕРГЕТИКА —
ПРОДОЛЖЕНИЕ

6 ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

7 ИЛЛЮЗИИ
ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ — 2

8 ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО
ЭЛИТ

10 КОЛОНИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА

11 ПРАКТИКУМ ПО
ЮВЕНАЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ

12 ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ
ИСТОРИИ

13 СИРИЙСКИЙ
КОЛОКОЛ — 2

14 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
НЕ-БЫТИЯ. ЧАСТЬ II

15 ВОЗРОЖДЕНИЕ
КАЗАЧЕСТВА.
ВОПРОСЫ, НА
КОТОРЫЕ ПРИДЕТСЯ
ОТВЕЧАТЬ

16 ПОРЧА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИМУЩЕСТВА

Мао Цзэдун спросил Сталина: «Что является тем самым главным, от чего зависит все остальное?»
Сталин ответил: «Главное, чтобы народ работал»

Главное

Геральдисты знают, как это делать. Наше дело какое? Мы воспринимаем то, что Вы указом озвучиваете.

М. Толбоев по поводу необходимости возрождения звания Героя Труда, на встрече Президента России с доверенными лицами, 10 декабря 2012 года

В детстве мне рассказали впечатлившую меня притчу о конфиденциальной беседе Мао Цзэдуна со Сталиным. Якобы во время этой беседы Мао Цзэдун спросил Сталина: «Что является тем самым главным, от чего зависит все остальное?» А Сталин ответил: «Главное, чтобы народ работал».

10 декабря 2012 года. Уважаемый мною герой России Магомед Толбоев предлагает президенту РФ возродить звание Героя Труда.

12 декабря 2012 года. Президент РФ поддерживает Толбоева в своем Послании Федеральному Собранию.

Юрий Бялый обсуждает в рубрике «Концептуальная война» вопрос о краже нашего бытия постмодернистским врагом. Он утверждает, что враг крадет у нас реальность вообще и социальную реальность в частности. И подсовывает вместо нее суррогаты, состоящие из знаков, не связанных с бытием. Что такое Герой Труда? Это высшая награда, то есть наградной знак. Вы понимаете? ЗНАК. Как этот знак связан с той реальностью, в которой мы живем? И связан ли хоть как-то?

Я не абсолютизирую ленинскую теорию отражения. Но мы должны понимать, что сейчас вопрос о том, отражают ли знаки реальность вообще и нашу социальную реальность в частности, — это политический вопрос №1.

Да, Бялый прав! Постмодернизм (с Бодрийаром, Делёзом, Дерридой, Гваттари и другими) — это наш враг. Враг этот и впрямь хочет принудить нас отказаться от бытия, смысла и многого другого.

Но Магомед Толбоев — не Делёз, а Путин — не Деррида. Говоря о знаке («Герой Труда»), Магомед Толбоев хочет трансфор-

мации реальности. Как он говорит, «возрождения традиций, стимулирующих передовую огромную работу». Он говорит, что героизму есть место на трудовых фронтах...

Моя задача не в том, чтобы все это осмеять. Пусть это делает Латынина. Но моя задача не может быть и в том, чтобы этим восхищаться. Пусть этим занимаются уважаемые мною члены Изборского клуба.

Моя задача в том, чтобы это ОСМЫСЛИТЬ. А также в том, чтобы обратить внимание читателя на вопиющее отсутствие подобного осмысления. То есть на неспособность о-страннить. «Остраннить» — значит увидеть странное в очевидном.

Вы не видите ничего странного в рассматриваемом мною сюжете? И впрямь не видите? Вы не понимаете, что речь идет не о частностях, что я не придираюсь, не злопыхаю, так сказать? Что я бью тревогу по поводу того, что концептуальная война, объявленная нам постмодернистским врагом, в существенной степени лишила общество способности к осмыслению и остраннению? А между тем именно такая способность — главное оружие в концептуальной войне.

Вооружайтесь, пока не поздно! — призвать к этому тех, кто не сдался и не хочет сдаваться, вооружить их и дать отпор противнику — вот в чем наша задача. Нельзя решать ее вообще. Ее можно решать, только рассматривая ту вопиющую конкретику, которая требует осмысления и остраннения. Что я и делаю.

В очень популярных в нашей стране «Двенадцати стульях» один из героев говорит: «Денги вперед... утром — денги, вечером — стулья или вечером — денги, а на другой день утром — стулья».

Что ж, придется мне, перефразируя эти слова из глубоко нелюбимого мною произведения, сказать по поводу предложения Толбоева следующее: «Утром новое отношение общества к труду — вечером высокая награда за труд. Вечером новое отношение общества к труду — утром высокая награда за труд. Но сначала изменение отношения общества к труду, а потом — учреждение

новой награды за труд. Сначала героизация труда, а потом звание «Герой Труда». В противном случае враг нас победил, отняв у нас онтологию».

Онтология, бытийность (на древнегреческом *όντος* («онтос») — сущее, то, что существует)... В данном случае речь идет о социальном бытии, которое, конечно же, не определяет сознание. Энгельс сетовал на то, что все вцепились в эту раннюю марксистскую формулу. Нет, конечно же, социальное бытие не определяет сознание полностью, хотя во многом формирует его. Но оно существует! Вы понимаете? СУЩЕСТВУЕТ. И, именно взаимодействуя с ним, сознание делает нечто. Например, звание «Герой Труда».

Частью социального бытия является отношение к труду в данном обществе. Ведь есть социумы, в которых труд презирается. Считается уделом изгоев. Укажите на ценность труда классическому вору в законе этак в 1959 году... Знаете, что он вам ответит? А народы, считающие для себя грабеж единственно достойным занятием... мало ли таких? Вы начнете этим народам внушать, что труд обладает огромной ценностью, а они вас пошлют куда подальше. Так ведь? И если вы при этом начнете представителей этих народов награждать званием «Герой Труда», то они взмолятся и скажут: «Не позорьте нас! Заберите свои награды!»

Разумеется, я описываю крайние случаи. Но для того, чтобы выявить проблему, нужны именно крайние случаи. У нас сильно криминализованное общество, не правда ли? Вот-вот оно станет обществом криминальным. Как криминал относится к труду? Как к уделу презренных, жалких изгоев: «Кто не работает, тот ест! Учись, студент!».

Нам нужно новое общество! Не то, в котором мы сейчас живем! В нем труд — удел лузера или лоха. Но нельзя создать новое общество за счет усилий геральдической палаты! Сначала новое общество — а потом усилия этой самой палаты.

Нам нужно новое общество, которое возлюбит труд и восславит его! В противном случае мы и впрямь погибнем.

Но почему вместо этого общества мы имеем то, что имеем? Разве так было всегда? Нет, так не было всегда. Значит, перед тем как создавать новое общество, мы, во-первых, должны осознать масштаб задачи (создание нового общества — это, знаете ли, суперзадача). Во-вторых, соотнести задачу со средствами ее реализации. И, в-третьих, спросить себя, почему мы имеем то, что имеем. То есть общество, в котором труд — это позорный грех. Это удел презренных, ни на что не способных изгоев.

То, что наше общество (наше общественное бытие или наша социальная онтология, что одно и то же) именно таково, мы все знаем. Ибо объективная реальность такого социального бытия дана нам в ощущениях самого разного типа и качества. Кому не хватает ощущений, тот может заглянуть в данные соцопросов. И убедиться в том, что наша социальная онтология трудно сочетаема с героизацией труда на уровне, достойном внимания этой самой геральдической палаты.

В чем я неправ? А если я прав, то что с нами происходит? Вот вопрос, который бы хотелось обсудить особо детально в ходе анализа Послания Президента РФ Федеральному Собранию.

Продолжение статьи — на стр. 2.

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В.ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Начало статьи — на стр. 1.

«Главное, чтобы народ работал...»

С годами эта притча обретает для меня новые и все более глубокие смыслы. Кстати, я все больше склоняюсь к тому, что это не притча. Что Сталин действительно сказал Мао Цзэдуну нечто подобное.

«Главное, чтобы народ работал...» Работал — значит, трудился.

Об особой роли труда говорили и Маркс, и Энгельс. За всю мировую историю никто из философов не прославлял труд так, как они. Не придавал труду такого масштабного — антропологического, онтологического и даже метафизического — значения.

«Владыкой мира будет труд», — пелось в старой революционной песне. Владыкой мира! Почувствуйте масштаб заявки, соотнесите его с исторической конкретикой той эпохи и признайте, что тогда люди умели мечтать.

Плеханов, создавая первую российскую марксистскую организацию, назвал ее «Освобождение труда». Ленин и его последователи построили общество, в котором человек труда был вознесен на пьедестал («кто не работает, тот не ест», «идут хозяева Земли, идет рабочий класс» и так далее). Что произошло потом?

Мы ведь не страдаем тяжелой амнезией? Мы понимаем, что именно произошло. Человек труда в ходе перестройки (я называю ее взрывом, превратившим страну труда в «зону Ч») и последующей монстроизации нашего социального бытия («процессов Ч») был облит презрением. Иначе и быть не может, если вы вначале строите общество, основанное на предельном восхвалении труда, а потом строите общество, основанное на предельном отрицании всего, что вы восхваляли. Это принцип построения постсоветского общества: все, что восхвалялось «гнусными совками», должно теперь подвергаться наибольшему поношению, а все, что поносились «гнусными совками», должно теперь подвергаться наибольшему восхвалению.

«Совки» больше всего восхваляли труд. Их низвергали, придя к власти, стали больше всего поносить труд. Так ведь? Это называется инверсией (рассматривая одну из инверсий, Анна Кудинова вспоминает ворожбу ведьм в «Макбете»: «Зло есть добро, добро есть зло»). И что же? Мы отменяем эту инверсию? А ведь она носит основополагающий характер, это краеугольный камень того здания, которое было построено на руинах советского общества. Мы отменяем этот принцип? Мы выдергиваем этот краеугольный камень? Мы начинаем строить новое общество?

Мы преобразуем реальность или мы хотим ее магически заклясть?

Мол, возникнет новый орден — и возродится трудовой героизм. Что собой представляет такая наивность? Знаменует ли она собой лишь качества отдельных людей, благой характер намерений которых я не ставлю под сомнение? Или же она значит нечто большее?

Для начала обсудим конкретное предложение Толбоева, поддержанное Путиным.

Кого именно будут награждать званием «Герой Труда» — шахтера или олигарха? И почему шахтера надо в нынешнем обществе награждать каким-то званием, когда есть вознаграждение денежное? Я говорил на эту тему с шахтерами Кузбасса несколь-

ко лет назад. И все они очень сетовали по поводу отсутствия трудовых наград. Мол, в СССР-то все было по-другому. И как же это было хорошо!.. Я решил спросить шахтеров Кузбасса, почему они участвовали в развале СССР, если в СССР все было хорошо. И они мне ответили, что тогда ошибались, а теперь поняли свою ошибку. И очень хотят, чтобы шахты стали государственными. А за трудовые заслуги награждали совершенно масштабу этих заслуг.

Никак не могу сказать, что этот ответ шахтеров привел меня в неопишуемый восторг.

Ведь если даже вы просто развелись с женой, а через какое-то время одумались, то не так просто восстановить семью. Для полноценного восстановления семьи нужно:

- 1) осознание всей глубины совершенной тобою ошибки;
- 2) признание того, что эту ошибку совершил именно ты (это называется «моя вина», «теа culpa»);
- 3) потрясение, вызванное осознанием масштаба ошибки и своей вины за ее совершение (греки это называли «катарсис»);
- 4) обретение нового качества по ту сторону этого потрясения (катарсиса);
- 5) колоссальные конкретные усилия по исправлению ошибки, совершаемые тобою как изменившимся человеком, имеющие малые шансы на успех и героические по степени накаленной мобилизованности.

Вот что нужно даже для полноценного восстановления семьи после достаточно разрушительного развода, сопровождавшегося взаимными обвинениями и так далее.

А ведь развал СССР и разгром советского образа жизни — это не элементарный развод супругов, не правда ли? В ответе шахтеров меня поразило полное отсутствие того, что я перечислил выше. И прежде всего — катарсиса. Понятно, когда такого катарсиса нет у чужаков... «Смесь, он дерзко презирал / Земли чужой язык и нравы; / Не мог щадить он нашей славы; / Не мог понять в сей миг кровавый, / На что он руку поднимал!..»

Но шахтеры не чужаки. Они не презирали «земли чужой язык и нравы», ибо СССР был их родиной, а советский образ жизни был той средой, в которой они жили. После того как я защищал Стаханова на передаче «Суд времени», меня наградили шахтерским орденом. И я испытал и чувство гордости, и признательность к тем, кто меня наградил. Но настоящее чувство я испытал бы, если бы шахтеры забастовали в момент развала СССР или в момент, когда Ельцин выпустил преступный указ №1400.

Ничто никогда не вернется, если не произойдет подлинного катарсиса. То есть осознания своей вины за произошедшую катастрофу.

Кстати, о катастрофе.

Самым ярким местом путинского послания была для меня живая оговорка — Путин сначала назвал произошедшее с СССР катастрофой (и впервые придал этой катастрофе не только геополитический статус), а потом резко поправился и заменил слово «катастрофа» словом «кризис».

А ведь действия в условиях катастрофы — это вовсе не действия в условиях кризиса.

Налицо полномасштабная катастрофа трудовой мотивации. В чем природа этой катастрофы? В народе говорят: «Кому война, а кому мать родна». Вот так же и с катастрофой, которую мы переживаем. Для кого-то это катастрофа, а для кого-то — пир во время чумы. Когда вы платите зарплату в 700 долларов профессору, то есть человеку, способному к предельно высокопрофессиональному трудовому усилию, то это катастрофа для профессора. Потому что у него в буквальном смысле этого слова крадут социальное бытие. Ему говорят, что его труд не нужен. Ему предлагают — если он не лох и не лузер — срочно валить за рубеж. И там получать в десять, а то и пятнадцать раз больше. А если он говорит, что он не уедет, потому что хочет служить Родине, то ему отвечают: «Ты не только лох и лузер. Ты хуже.

Ты чокнутый! Чем быстрее вымрут такие, как ты, тем лучше».

Но ведь те, кто платит 700 долларов профессору, могли бы заплатить ему иначе. Почему же они этого не делают? Потому что они грабят людей труда. Прежде всего, людей высокоинтеллектуального труда, но и не только. И украв чужую социальную онтологию — создают свою. На эти украденные деньги создают. Так ведь? И это все видят.

Чем сразу же становится возрождение звания «Герой Труда» (то есть возрождение знака!) в условиях, когда этот знак взаимодействует с описанной мною выше реальностью?

Либо возрождение знака знаменует собой построение новой реальности, либо это возрождение должно сочетаться с той реальностью, в которой над трудом издеваются. Тогда звание «Герой Труда» становится уничижительной подачкой: «Мы не можем восстановить статус труда, ибо тогда прекратится грабеж, любезный нашему сердцу! Но вы же, в отличие от нас, люди архаичные, люди знака. Получите знак и прекратите настаивать на его связи с реальностью!»

Может быть еще один случай — когда звание «Герой Труда» получит главный бездельник. Или крупный криминальный авторитет.

Итак, или издевка — или... Или катарсис, после которого только и может начаться переустройство общества. В своем послании Путин сказал о многом. О том, что не хватает духовных скреп. О том, что налицо острый дефицит сострадания и солидарности. О том, что нам нужно единство нашей истории. О том, что «креативный» столичный хомьяк не имеет ничего общего с созиданием, с подлинной креативностью. О том, что соль земли и подлинно креативным классом является интеллигенция вообще и провинциальная в особенности (врачи, учителя, инженеры, ученые и так далее). Я не хочу девальвировать ценность этих слов. Но Путин не публицист и не аналитик. Он глава государства. Его послание — не талантливая статья умного и тонко мыслящего патриота. Его послание — это политический текст.

Осью политического текста является ответ на вопрос «почему».

Почему не хватает духовных скреп?

Почему в обществе нет ни сострадания, ни солидарности?

Почему отсутствует единство нашей истории? И как это единство сочетается с деятельностью Сванидзе, Млечина, Пивоварова?

Почему жирует «креативный хомьяк», а соль земли влачит жалкое существование?

В 2012 году Путин, избранный на третий срок, не может давать ответ на эти вопросы, выводя за скобку проблемы личной ответственности за то, что происходит в стране. В противном случае все произносимое — это либо пиар (посылаем разные сигналы в разные слои общества), либо патриотическая публицистика.

Политический текст неразрывно связан с контекстами самого разного рода, включая визуальный. Путин зачитывает послание, а телевидение показывает лица слушающих. Все это видели. Это нечто. Одни слушают текст, не скрывая своей враждебности (между прочим, почему они ее теперь уже и не скрывают?). Другие реагируют в худших традициях советской сервильной номенклатуры (диафрагма поджимается, ляжки

напрягаются, на лице гримаса ужаса и восторга, губы рвутся вопить «Одобрямс!», заплывшие извилины шевелятся от скверных мыслей «меня заложат или я заложу»). Все это видели. Политический текст — это не пиаровские сигналы разным группам. Это мобилизация определенного контингента на борьбу за что-то и с кем-то. На борьбу за преобразование реальности. Кого мобилизуют и мобилизуют ли — или компенсируют отсутствие реальной мобилизации обилием знаков этой мобилизации? Знаков, оторванных от реальности по принципу «Нам реальность — вам знаки».

Политический текст — это организованное в систему сообщение, состоящее из ряда сигналов. Для того чтобы сигналы не рассыпались, чтобы сообщение имело системный характер, требуется политическая ось, вокруг которой будут вращаться все посылаемые сигналы.

В каком обществе мы живем? Конечно же, не в том, где возвели на пьедестал и труд, и человека труда. Мы живем в буржуазном обществе. Свой политический текст лидер буржуазного государства по фамилии Путин не может не адресовать классу буржуазии. И дело не в том, что он посылает ему те или иные сигналы. Мол, налоговая шкала будет плоской, госкапитализма не будет, приватизация продолжится и т.д.

Буржуазному классу все эти сигналы нужны, как рыбе зонтик. Ему нужно совсем другое. Чтобы политик по фамилии Путин не мешал ему грабить лохов и прятать деньги за рубежом. Потому что только за рубежом их можно спрятать по-настоящему.

Кстати, единственный действительно политический сигнал, содержащийся в сообщении под названием «Послание», связан с темой «по-настоящему спрятать». Дума уже хотела принять закон о недопустимости для чиновников иностранных счетов и иностранной собственности. Фактически все первые лица государства отвергли этот закон публично. Теперь Путин бросает им вызов и говорит о том, что понимает, насколько им это не понравится. То есть бросает вызов сознательно. Если они будут и дальше сопротивляться — политический кризис перейдет в острую фазу. Путин не может этого не понимать и это делает.

Но, объявляя войну своим коллегам по политическому олимпу и креативным хомьякам, Путин не затрагивает буржуазный класс в целом. И не раскалывает его. А только это может быть осью такого политического текста сегодня.

Буржуазный класс объявил войну Путину. Он сделал это по двум причинам.

Причина №1 состоит в том, что буржуазный класс умеет только грабить. Сегодня грабить по-настоящему — это значит изымать средства из бюджета. Изымать их можно либо напрямую, либо за счет организации системы заказов, которые заведомо не будут выполнены. Потому что получившие заказы буржуа откатят часть средств чиновникам, а остальные средства уведут за рубеж. Благословить такой бал воров Путин не может. Потому что воры разграбят бюджет, а ограбленные массы разорвут на части не воров, а самого Путина.

Буржуазный класс пожимает плечами: «Ну и пусть Путина разорвут, нам-то что?»

«Вам-то это, понятно, в кайф, — отвечает Путин, — но меня такой вариант никоим образом не устраивает. И я, как вы видите, человек волевой, находящийся в хорошей форме и наделенный недюжинной волей к жизни. Кто думал иначе — полюбуется».

«Ну, любуемся, — отвечают ему. — Но мы же буржуазный класс! И наша поддержка не может быть обеспечена, если наши интересы не учтены».

В итоге начинается сложный дележ бюджета. Причем Путин должен обеспечить согласование интересов крупной бур-

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В.ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

жуазии и крупного чиновничества, которое, по сути своей, является все той же крупной буржуазией.

Нечиновные буржуа хотят изъять бюджетные средства, передаваемые на их предприятия, и перегадать средства за рубеж (то есть спрятать). А чиновные буржуа хотят сразу изъять бюджетные средства, не передавая их на предприятия. Изъять же, перегадать за рубеж (то есть опять же спрятать).

К тому же чиновник хотел бы запустить руку в мощную буржуа, который с ним перестал делиться и заявил: «А зачем с тобой делиться, если ты можешь бюджет разграбить?»

Причина №2 намного важнее причины №1. Она состоит в том, что буржуазный класс хочет не только грабить, но и прятать деньги за рубежом. А за рубежом не любят Путина. И говорят буржуазному классу: «Если ты не уберешь Путина, мы начнем экспроприровать твои денежки». Об этом уже не просто говорят. Теперь уже и действуют. Например, принимая «акт Магнитского».

Ну, и что Путин на это ответит буржуазному классу? А также сросшемся с ним чиновному племени?

Тут есть два варианта. Либо Путин раскалывает класс на компрадоров и национальную буржуазию. И, опираясь на национальную буржуазию и социальные низы, зачищает всех компрадоров. Либо необходимы еще гораздо более радикальные меры. Пока что никакой национальной буржуазии не видно даже в микроскоп. А значит, вся буржуазия объявила войну Путину. Чем ответит Путин? И на кого обопрется?

Мне скажут, что тут ответ вообще невозможен. Но это не так. Пока что у Путина есть несколько вариантов ответа. И каждый из них связан с определенным способом возвести на пьедестал человека труда. Да-да, именно человека труда. Здесь я возвращаюсь к той теме, с которой начал. Ибо она и есть главное. Я ведь всю эту статью так и назвал — «Главное».

Я не буду перебирать несколько разных вариантов, позволяющих Путину опереться на человека труда — это требует отдельного обсуждения. Скажу лишь, что если вся буржуазия объявила войну Путину, то он может опереться только на труд против капитала. И не надо говорить о том, что-де, мол, «есть только один способ это сделать — именно тот, который люб товарищу Кургиняну, и потому товарищ Кургинян все под это подверстывает». Любой политически образованный человек понимает, что есть разные способы это сделать. Но если буржуазный класс действительно объявил войну Путину, то Путин может либо тем или иным способом сделать это — опереться на труд против капитала, либо умереть. Все видели, что Путин умирать не хочет. Но и реальных политических сигналов собственно мобилизационного характера не посылает. И уж тем более не обеспечивает взаимодействие этих сигналов с реальностью.

Путин слегка порывивает, демонстрирует политическое Акель. Но за флажки не прорывается. Он вообще не движет-

ся. Он замер — и по сторонам озирается. Он слышит науськивание иноземных охотников и хриплый лай их местных овчарок. Но никаких реальных мобилизационных реакций это у него не вызывает. Даже на уровне текста. Ось отсутствует. Целостное содержание подменено суммой пиар-сигналов и символов.

Отсутствует не только тема отношений между ним и буржуазией. Отсутствует и тема отношений между ним и Западом. Между тем, нельзя запретить элите прятать деньги за рубежом, не разобравшись в историсофии. Конечно же, историсофией надо заниматься не потому лишь, что тебе надо удержаться у власти. Но если избежать восстания буржуазного класса против лидера элиты от тех стран, где она хранит наворованное, то без историсофии с этим классом не разберешься.

Начнешь без нее разбираться — тебе ответят: «Ну как же так, Владимир Владимирович! Вы нам говорили, что мы идем на Запад, поощряли это! Мы вам поверили, перевезли туда семьи, стали обзаводиться иноземными родственниками. Обросли собственностью. А теперь мы от всего этого должны отказать только ради сохранения вашей драгоценной персоны? Так же нельзя! То есть так можно, если речь идет о нескольких «особых особах» — о том же Тимченко, например. Но системное решение, касающееся десятков тысяч людей, на такой основе, извините, не принимается!»

Именно так ответит Путину буржуазный класс, если он начнет с ним разбираться, игнорируя историсофскую проблематику. И в этом случае буржуазный класс будет обладать легитимностью. А значит, он победит Путина, а не Путин его.

Для обеспечения легитимности самого Путина и его победы над буржуазным классом до зарезу нужна историсофия. То есть нужно подвести черту под пакостной и несбыточной химерой нашего вхождения в Европу. И тут всё опять, как в «Двенадцати стульях»: утром подводим черту — вечером разбираемся с неприемлемой счетократией, вечером подводим черту — утром разбираемся с этой счетократией. Но сначала мы подводим черту, а потом разбираемся с историсофски неприемлемой счетократией.

Можно сколько угодно пожимать плечами и говорить, что такой подход носит избыточно умственный и идеалистический характер. Но очень скоро станет ясно, что другого подхода нет. Что или-или. Или труд против капитала (еще раз подчеркну, что тут могут быть разные формы) и особизм против интегризма — или стремительное превращение Путина в Чаушеску.

Труд — вот главное, о чем сегодня стоит говорить и с политической, и со всех иных точек зрения. Оптимистические утопии, которые содержатся в послании Путина (станем главной сельскохозяйственной страной мира, утвердимся на рынке высоких технологий и пр.) нереализуемы при нынешнем отношении к труду, при сохранении за трудом недопустимого, унижительного места, задаваемого ему нынешним бытием. Нам нужно другое бытие и другое место труда в этом другом бытии. Или это — или смерть.

Другое бытие может возникнуть только по ту сторону мощного катарсиса. Катарсис невозможен без признания собственной вины. Надо признать, что не с кризисом мы имеем дело, а с глубочайшей катастрофой, устроенной врагами, которым не было оказано соответствующего противодействия.

Надо сказать: «Да, не оказали такого противодействия, но окажем. Да, проиграли войну, но возьмем реванш. И некого нам винить в том, что проиграли войну. Только самих себя. Очистившись в огне признания вины за поражение, мы придем к победе». И обеспечим то главное, о чем Сталин поведал Мао Цзэдуну.

«Главное — чтобы народ работал...»

Маяковский писал о том, что, видя свою фамилию в поэтической рубрике, он радуется: «Это мой труд / Вливается в труд моей республики». Но он радовался этому сразу по двум причинам.

Во-первых, потому что понимал высокое качество своего труда. Понимал, что в чистую воду моря под названием «труд моей республики» вливалась чистая вода из реки по имени «Маяковский».

И, во-вторых, потому что гордился чистотой моря труда. Гордился тем, что он как гражданин республики, являющейся «весной человечества», может плыть в ее чистых, общенародных, трудовых водах. Для осуществления полноценного труда, труда, являющегося служением и достойного разного рода званий, включая звание Героя, нужны оба этих условия. Да-да, именно оба! И тут не столько дело в героях труда, сколько в труде как таковом.

Конечно, Маяковский — гений, то есть герой. В отличие от других, такими гениями не являвшихся, он не получил звания героя. Но его это не волновало. Ян об этом прямо писал: «Сочтемся славою — ведь мы свои же люди, — / пускай нам общим памятником будет / построенный в боях социализм».

Нет труда вообще. Есть социалистический и капиталистический труд. В прежнее время были Герои Социалистического Труда. Теперь, наверное, должны быть Герои капиталистического труда. Так ведь? Но по очень понятной причине говорится просто о «Герое Труда». Причем говорится так же, как об иных традициях советского времени. Мол, онтологии нет как нет, а знаки прельстительны.

Знаете, как это называется? Культ карго. Этот культ исповедовали туземцы. Они прельщались знаками, которыми был полон загадочный для них мир белого человека. В основном — самыми элементарными знаками, каковыми были вещи, имевшие непонятное предназначение, но притягательные в качестве амулетов.

Если в подлый перестроечный период существенная часть наших сограждан поклонялась западным вещам как притягательным амулетам, то теперь в виде таких амулетов начинают выступать некоторые знаки, заимствованные из советского периода. Причем речь идет о знаках, беспощадно отсекаемых от связанной с ними социальной бытийственности.

Вкратце перечислю основные из этих знаков, используемых по принципу карго (еще раз подчеркну, что теперь по этому принципу используется уже советская знаковая система).

Знак №1 — народные дружины. Не забыли еще госпожу Слиску, которая хотела задействовать этот амулет для нашего спасения от тотальной криминализации?

Знак №2 — «Моральный кодекс строителя коммунизма». Коммунизма нам не надо. И строить мы его не хотим. Но «Моральный кодекс» вполне себе ничего.

Знак №3 — советский интернационализм, обеспечивающий мирное сосуществование народов с разной верой и национальной культурой. Наплевать на то, что подобное можно было обеспечить только за счет мощной сверхидеи, на которой, как на потолке, сияли люстры разных вер и национальностей. Сверхидеи не хотим, но интернационализм нравится.

Знак №4 — Герой Труда.

Да мало ли еще этих знаков, используемых именно по принципу карго?

Позитивный культ советского карго для меня неизмеримо лучше охаивания советского прошлого. Но, радуясь все новым элементам этого карго, я отдаю себе отчет в том, что карго не способно преодолеть «си-

туацию Ч». И напротив, вполне может стать источником усугубления такой ситуации. Что можно один за другим восстанавливать знаки, смиряясь с их оторванностью от онтологии (то есть социальной бытийственности), и продолжать катиться в нынешнем катастрофическом направлении. Осекаясь при произнесении слова «катастрофа» (чур меня, чур!).

А потому давайте все же завершим наше онтологическое исследование. Оно же — разговор о главном, каковым для нас для всех, конечно же, является труд.

Я уже говорил о том, что в случае Владимира Маяковского огромная река его трудового поэтического творчества вливалась в море всеобщего благого труда. Но в это же море может вливаться и маленький ручеек какого-нибудь другого труда. Например, труда обыкновенного пекаря или плотника.

Для того чтобы пекарь или плотник были счастливы (подчеркиваю — не довольны, а счастливы), необходимы все те же два условия.

Первое — ручеек их труда должен вливаться в чистое море всеобщего труда, и они должны в этом море плыть как граждане великого и благого государства.

Второе — их ручеек должен нести в море чистую воду высококачественного труда. И тут неважно, что это всего лишь ручеек. Важно, что ты достойно служишь великому общему делу. И обладаешь за счет этого тем качеством жизни, определяемым словом «быть», без которого количество жизни, определяемое словом «иметь», — это суррогат жизни. То есть жизнь, лишенная счастья и пытающаяся компенсировать отсутствие счастья разного рода материальными удовольствиями.

Кстати, компенсировать отсутствие счастья можно не только материальными, но и иными удовольствиями. Культурными и даже духовными. Но это все равно будут всего лишь компенсаторные суррогаты. Потому что счастье — это возможность плыть вместе с другими в чистом море всенародно-го труда. И ощущать себя чистым ручейком труда, втекающим в это великое море.

Каждый, у кого этого нет, лишен счастья. Нельзя быть счастливым в «зоне Ч», сформированной перестроечным взрывом, уничтожившим идеальное как таковое. Или очень серьезным образом это самое идеальное повредившим. Потому что море общего труда в этом случае никогда не будет благим и чистым. И плавать ты должен будешь в море скверном, смердящем. Это не пустая риторика, а неотъемлемый факт нашей жизни.

Говорят, что в СССР были пустые прилавки и стояли очереди за товарами первой необходимости. За той же колбасой, например. Да, это было так. И, конечно, плохо, что это было так. Потому что очереди отнимают силы и унижают человеческое достоинство. А также потому, что с интересующей нас сейчас точки зрения необходимо не только противопоставлять тогдашнюю духовность скудной жизни — нынешнему бездуховному изобилию. Я-то, конечно, убежден, что это-то и есть главное. Но моя статья представляет собой не изложение определенных убеждений, а анализ ситуации, порожденной Посланием Путина. Осуществляя такой анализ, я должен говорить не о приоритете духовной жизни в условиях материального недостатка — но над бездуховной жизнью в условиях материального благополучия. Осуществляя такой анализ, я должен обсуждать, чем обладали советские граждане именно в материальном плане. И чем тогдашнее их материальное бытие отличается от нынешнего бытия граждан Российской Федерации.

Продолжение статьи — на стр. 4.

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В.ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Продолжение со стр. 3.

Сосредотачиваясь на анализе определенных аспектов материального — и именно материального — бытия советских людей, я не снижаю градуса обсуждения. Я всего лишь перехожу на ту территорию, где можно говорить о предельно масштабных проблемах, не будучи обвиненным в бесчувственности: «Вам бы все о духе поговорить, а нас материальные проблемы за глотку держат».

Я понимаю, что они держат за глотку. Но понимают ли те, в чью глотку вцепилась костлявая рука сугубо материальных проблем, куда именно все катится? И какие неочевидные опаснейшие регистры имеет эта самая материальная проблематика?

Советские люди худо-бедно питались нормальными продуктами. И с голоду не умирали ни в хрущевскую, ни в брежневскую эпоху.

Способно ли постсоветское общество в полной мере осознать, что значит нормальные продукты? Нормальная колбаса, нормальный хлеб, нормальные фрукты? Это ведь о-го-го-го какая проблема!

В постсоветское время обитатели нашего политического Олимпа постоянно рычали о том, что наконец-то наступила «нор-р-рмальная жизнь». В последние годы этот номер особенно часто исполнял Дмитрий Медведев.

Но и сам Медведев, и его семья ТОГДА ели действительно нормальные продукты, а теперь едят продукты «нор-р-рмальные». То есть исключительно вредные, патологически вредные. Они едят их, даже если им их привозят прямоком из Франции или Голландии. А те граждане, которые не имеют возможности постоянно привозить продукты прямоком из данных «обустроенных» (до чего же пакостное словцо!) стран первого мира, тем более не могут питаться нормальными продуктами. Этим гражданам сбавривают иноземные продукты, опасные для жизни.

Когда вы видите фрукты, на которых нет ни одного пятнышка, на которые не покусились ни один червячок или жучок, что вы испытываете? Если вы находитесь под гипнозом криков о том, что наступила нор-р-рмальная жизнь, вы радуетесь: «Вот ведь, наконец, можно качественно фруктами питаться. Счастье-то какое!». Но если вы не под гипнозом, то вы понимаете, почему на эти нор-р-рмальные фрукты не посягают червячки, жучки и прочие живые твари. Потому что они на них не посягают, что, в отличие от вас, обладают неиспорченными инстинктами, говорящими им: «Не ешь эту пакость, она опасна для жизни». У вас же этого инстинкта нет. Но разум-то есть! И он должен вам сказать, что если жук или червяк это не ест, то жук или червяк это не ест почему-то. И понятно, почему именно.

Можно изощряться в добавлении к современной пище разного рода вкусовых эссенций. Но если вкус не испорчен, то вы и без данных химического анализа понимаете, что тогдашняя «совковая» колбаса была действительно нормальной, а нынешняя «нор-р-рмальная» колбаса глубочайшим образом ненормальна. И что если бы сейчас кто-то откуда-то магическим образом извлек «совковую» колбасу, то за ней бы выстроились длинные очереди, состоящие из людей, которые уже уловили, в чем главная особенность современной нор-р-рмальной жизни. Особенность же эта состоит в том, например, что онкологические заболевания из экзотики превращаются в быт. И ведь происходит это не просто так, а в силу определенных причин. Устранение этих причин требует не советского карго, а форсированных мобилизационных усилий. Завтра устранение этих причин потребует чрезвычайных усилий. А потом никакие усилия уже не помогут.

В своем Послании Путин сказал, что мы должны стать и обязательно станем величайшей продовольственной державой. Что у нас очень много плодородной земли. И что эта земля обязательно будет плодотворной, создавая для граждан продовольственное благополучие наряду с благополучием иным.

Предъявляя обществу такую оптимистическую утопию, Путин не может не отдавать себе отчета в том, какова реальность. Земли, распаханные в советскую эпоху, не просто заросли теперь сорняками. Сорняками они заросли лет этак 15 назад. Теперь же на этих землях произрастают березки и елочки. Животноводство разгромлено. С Россией ведется полноценная продовольственная война. Возможно, самая опасная из всех ведущихся войн. На нас не бомбы сбрасывают. К нам завозят некачественную или даже специально поврежденную продовольственную продукцию. Ее завозят в колоссальных масштабах. Степень ее некачественности угрожает жизни и здоровью наших сограждан. Нигде, кроме России, эту продукцию реализовать невозможно. Здесь же ее реализуют преступники, получающие гигантские барыши. И наверняка повязанные с Западом не только взаимной экономической выгодой, но и чем-то большим. То есть ровно тем, чем повязана настоящая пятая колонна в условиях, когда ее хозяин ведет войну на уничтожение против народа и государства, в котором эта пятая колонна проживает. Налицо не только корыстные, но и полноценно агентурные отношения.

В народе говорят, что «соловья баснями не кормят». Продовольственный геноцид — это то, что ощущает на себе каждый гражданин страны. Соответственно, он ждет, будет ли вестись война против врага, который обрекает его на уничтожение, пичкая чудовищными продуктами. «Качество» этих продуктов таково, что все разговоры о советском дефиците могут вызывать только усмешку у людей, понимающих, чем в действительности чреват нынешний профицит.

Ошибочно и опасно в этой ситуации кормить предельно испуганного соловья баснями про будущее сельхозблагополучие. Это опять отдает советским карго. Кукуруза. Целина. «Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения». Да никто уже не хочет никого догонять! Все понимают, что «не до жиру, быть бы живу». И что продовольственная война, которую враг с нами ведет, требует соответствующего ответа. Слишком многие понимают, что мы не можем конкурировать с Европой и США, где на одно евро (или один доллар) производимой сельскохозяйственной продукции производитель получает одно евро (или один доллар) дотации. Не можем мы конкурировать и с теми странами, в которых очень тепло и можно снимать по три урожая в год.

И не хотим мы ни с кем конкурировать. Мы хотим есть нормальные продукты. Нормальные, а не нор-р-рмальные, понимаете? Главное, мы хотим, чтобы их ели наши дети и внуки. Но мы и сами не прочь вернуться к советскому рациону.

Но вместо этого — ВТО. Враг вторгается. Идет стремительное ухудшение нынешних чудовищных кондиций иноземного про-

дольствия. В стране очень много совсем неблагополучных потребителей, которые готовы потреблять все что угодно, чтобы не быть голодными. И эти потребители станут жертвами съеданного ими продовольствия, засылаемого преступниками и опекаемого шефами ВТО.

Надо отвечать на этот вызов немедленно. Промедление смерти подобно. Рынок и открытость несомнимы с ответом на этот вызов. Нужны чрезвычайные меры и чрезвычайная мобилизация. Сельскохозяйственные риторические утопии надо выбросить на свалку. И немедленно прекратить игру с оптимистичными «сельхоззнаками», не совместимыми с предельной пессимистичностью «сельхозбытия».

Отрыв используемых знаковых систем от бытия... Подмена мобилизации сигналами в стиле карго и раздачей всем сестрам по серьгам... Зачем все это сегодня?

Я понимаю, что все ждали Послания Путина. Что этим «всем» нужно было показать определенные кондиции выступающего лица — как физические, так и иные. И что эта задача была решена.

Да, статус Акелы был подтвержден. Но речь идет о сугубо символическом, а точнее, даже магическом подтверждении. Если все и дальше ограничится аналогичной магией (то есть системой знаков в стиле карго, дополняемой противоположными знаками в духе «Высшей школы экономики»), то Акела из реального станет виртуальным.

Какое-то время такой виртуальный — в пределах даже голографический — Акела может кого-то впечатлять. Но поскольку виртуальный Акела не может воздействовать на реальность, то реальность начнут осваивать другие. И поверьте нам, они уже начали это делать! Освоив же реальность, они доберутся до пульта, создающего высококачественную голограмму Акелы, и этот пульт отключат.

Извините, но и не такие пульта отключали, не правда ли?

Мне возражат: «А мы-то тут причем? Наша профессия — создание голограмм. А все остальные ваши претензии не по адресу». Соглашаюсь со справедливостью подобного возражения. Но лишь отчасти. Ибо политический текст — это одно, а голограмма Акелы — это совсем другое.

Для того чтобы окончательно в этом разобраться, доведу до конца тему труда в тогдашнем и нынешнем обществе. Я, знаете ли, решил построить свою развернутую статью о главном как симфонию. То есть все время сочетать основную и побочную тему. В симфонии побочная тема значит ничуть не меньше, чем основная. Основная тема — путинское Послание. Побочная — тема труда в современном обществе. Тоже ведь затронутая в путинском послании, не правда ли?

Итак, зловонные воды нынешнего совокупного общественного труда. И их сочетание с тем трудом, который вы хотите превратить в чистый, так сказать, ручеек. Что ж, на конкретном поприще вы и впрямь можете продолжать качественно трудиться. Хотя это очень трудно. Я знаю блестящих врачей в ключевых больницах Москвы, уволенных непонятно за что высокостатусными коновалами. Когда я попытался выяснить, за что же их уволили (а речь идет о культовых фигурах нашей отечественной медицины), мне объяснили: «Они больницу слишком любят и ценят. А коновалы хотят больницу закрыть, а территорию пустить под застройку. Возможная прибыль исчисляется чуть ли не миллиардами долларов».

Так что, увы, нельзя сказать: «Трудитесь, граждане, на здоровье, и вас наградят за ваш чистый ручеек, втекающий в зловонное море». Даже этого сказать нельзя.

Еще труднее объяснить, зачем нужен чистый ручеек, если море все равно будет зловонным. Ведь плыть-то вы все равно бу-

дете в этом море. То есть питаться соответствующими продуктами, получать соответствующие медицинские услуги, потреблять соответствующую культуру, короче, жить в соответствующем обществе.

И не разобравшись в том, в каком именно обществе мы живем, исправить ничего нельзя. Так сколько можно дурака валять, вообще не обсуждая эту проблему, и называть себя при этом профессионалами, занятиями голограммами по роду своей профессии?

Начните дискуссию. Создайте повестку дня. И приведите свои голограммы в определенное соответствие с этой дискуссией и этой повесткой дня. Если же вы заняты только голограммой и не приводите ее в соответствие с пространством и фоном, то это уже не профессионализм, а банальная конъюнктура.

Вы скажете: «А где вести дискуссию?». Извините — не 1983 год. Это тогда Андропов сказал: «Не знаю, в каком обществе живем», — и все умылись. Мол, не в «Правде» же ты будешь с генсеком по этому поводу полемизировать.

Теперь таких препятствий нет. Есть и интернет, и иные возможности. Мы вот издаем газету «Суть времени» — и нам никто не мешает.

Ну так скажите, если вы профессионалы, в каком обществе мы живем? Почему зловонные реки частного труда втекают в скверное море совокупного труда граждан нашей страны? Ведь сказанного в послании Путина уже достаточно для того, чтобы раз и навсегда закрыть тему спасения от «совковости» и возвращения в нор-р-рмальную жизнь.

Сигналы в стиле карго следуют один за другим. И совокупность этих сигналов говорит о том, что нынешняя жизнь ну уж никак не нормальна. Ни тебе духовных скреп, ни тебе единства истории. Ни тебе сострадания и солидарности. Ни тебе...

Но сказавши А, надо сказать Б. И признать нынешнюю жизнь в крайней степени ненормальной. А признав это, объяснить, почему она такова в 2012 году. Без такой оценки и такого объяснения все провисает. И о каком профессионализме можно говорить тогда?

Для того чтобы пробить тонкую пленку отчуждения, нужен достаточно слабый, но правильно организованный текст.

Для того чтобы пробить толстую броню отчуждения, нужен текст, подобный кумулятивному снаряду.

Для того чтобы пробить толщу отчуждения, нужна мощнейшая бомба. Если вы не пробиваете эту толщу, отчуждение нарастает. И что будет тогда, когда оно станет абсолютным непробиваемым?

Повторю — в Послании Путина сказано много хорошего. И не просто хорошего, а политически значимого. Но все сказанное представляет собой очередную демонстрацию способности «лидера Ч» держать под контролем «ситуацию Ч», используя для этого «лингвистику Ч», «семантику Ч» и даже «семиотику Ч». Сколько еще времени можно вызывать, не преодолевая «ситуацию Ч»? И подчиняясь тем тенденциям, которые эта ситуация порождает? Год? Два?

Можно сразиться с «Ч» и победить. Можно сразиться с «Ч» и погибнуть. Но сражение с «Ч» сулит хоть какие-то шансы на успех. А потакание «Ч» может привести только к страшному и унижительному финалу. Нельзя подменять реальное сражение знаками, оторванными от онтологии. Эпоха подобных знаков позади. Встреча с реальностью неизбежна. И к этой встрече всем нам надо готовиться.

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Нельзя не задать вопрос: а что дальше? Есть ли у нас в «советско-российском загашнике» какие-либо крупные идеи и ноу-хау, позволяющие нам сохранить ядерно-энергетическое лидерство?

Большая энергетическая война.

Часть VIII. Ядерная энергетика — продолжение

Еще в конце 60-х годов XX века, когда обогащенный энергетический уран впервые вышел на Западе на широкий рынок (то есть стал доступным товаром), руководство СССР выяснило цены на него и решило, что на этом рынке может неплохо зарабатывать. И в 1971 г. был заключен первый контракт с Францией (тогда вполне дружественной, вышедшей из военных структур НАТО) о предоставлении ей советских услуг по обогащению урана.

В ходе исполнения этого соглашения вскрылись два очень важных для СССР факта.

Первый — что западное обогащение урана очень дорогое. Настолько дорогое, что обогащать (и, значит, добывать) бедные урановые руды просто невыгодно.

Второй — что обогатительные мощности на Западе слабы и не справляются с потребностями растущей ядерной энергетики. То есть, нет смысла строить новые реакторы и АЭС, поскольку нет гарантий их обеспечения топливом.

Важнейшим симптомом этой тенденции стали появившиеся в середине 70-х годов сообщения о том, что заказы на новые АЭС в США прекратились. А в 1979 г. произошла авария на АЭС «Три-Майл-Айленд» (Three Mile Island accident), за которой последовало официальное решение о «замораживании» американской ядерно-энергетической программы.

Тогда о подоплеке этого решения можно было только догадываться. Но в последние годы появились достаточно подробные данные о динамике мировой добычи урана и его использования на энергетические нужды, которые выявили очень интересную и содержательную картину.

Так, по данным World Nuclear Association (WNA) — крупнейшей мировой организации, занимающейся исследованиями ядерной энергетики, — соотношение между добычей и энергетическим использованием урана (в тысячах тонн) в мире менялось следующим образом:

ГОД	ДОБЫЧА	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
1950	6	0,3
1955	17	0,7
1960	49	1,3
1965	32	7,1
1970	34	16,9
1975	37	25,3
1980	67	39,6
1985	61	56,1
1990	43	63,9
1995	35	69,1
2000	34	71,2
2005	40	70,1
2010	54	72,2

Совершенно ясно, что примерно до 1987 г. мировая добыча урана намного превышала его «энергетическое» расходование. И значит, добываемый избыток урана использовался, прежде всего, для оружейного обогащения (для бомб). А также, видимо, накапливался в качестве обогащенных и необогащенных складских запасов. Из этой же таблицы не менее ясно, что последние 25 лет энергетическое расходование урана намного превышает его добычу. И значит, огромная часть «мирного атома» с тех пор работает на ранее добытом уране.

На каком именно? Либо «со складов» необогащенного урана. Либо «со складов» оружейного урана. Либо и оттуда, и оттуда.

А у кого и такого, и такого урана больше всего? У СССР. А как заставить СССР им делиться? Только поставить в безвыходное положение!

А как поставить в безвыходное положение? Вряд ли я выйду в сферу конспирологии, если предположу, что эти «урановые» соображения были не последними в аме-

АЭС «Три-Майл-Айленд», США, после аварии на которой была свернута американская программа ядерной энергетики. Фото с сайта 24.media.tumblr.com

риканской активности по поддержке перестройки и развала СССР. Которые быстро превратили Россию в ключевого (и подневольного!) игрока на мировом рынке ядерного топлива.

Во-первых, в 1986 г. (как вовремя для дефицитного мирового уранового рынка!) грянул Чернобыль. И в СССР, с одной стороны, снизилось потребление энергетического урана его реакторами и, с другой стороны, были приостановлены программы достройки новых АЭС и поставки топлива для них. Остановлены не только в СССР, но и во многих других странах.

Во-вторых, после распада СССР Россия лишилась крупнейших урановых резервов Казахстана и Узбекистана, на которых до этих пор работали наши обогатительные мощности.

В-третьих, разрыв кооперационных связей с постсоветскими республиками крайне затруднил исполнение Россией ранее заключенных контрактов на строительство АЭС за рубежом.

Мощнейший ядерный комплекс России оказался совсем без денег (вспомним экономическую разруху конца 80-х — начала 90-х годов) и буквально «за гранью выживания».

Единственной возможностью выжить стал поиск зарубежных контрагентов, готовых платить за такие услуги, которые наш ядерный комплекс был еще способен оказать.

Первым типом таких услуг стало обогащение чужого урана. Западные газодиффузионные заводы ввиду неэффективности своей технологии нередко снимали с природного урана только «обогащенные сливки». И в результате оставляли в «хвостах» обогащения от 0,2 до 0,35% U235. А для высокоэффективных советских центрифуг такие «хвосты» были вполне даже богатым сырьем. И контракты на их обогащение стали той первой частью «базы выживания», которая поддерживала на плаву наш ядерный комплекс в позднесоветские и первые постсоветские годы.

А второй частью этой «базы выживания» стал знаменитый американский контракт «ВОУ-НОУ» (превращение высокообогащенного оружейного урана из советских ядерных боеголовок в низкообогащенный энергетический уран), который пышно назвали «Мегатонны в мегаватты». Согласно этому контракту, заключенному в 1993 г. на 20 лет, Россия обязалась переработать 500 тонн высокообогащенного урана из снятых с вооружения советских боеголовок в энергетический уран и поставить этот уран в качестве топлива для американских АЭС.

Контракт этот в основном ругают и вполне заслуженно.

Конечно же, он явно нерыночный и для России очень невыгодный. Невыгодный хотя бы потому, что даже только себестоимость обогащения этих 500 тонн урана до оружейной концентрации на лучших советских центрифугах в несколько раз превышала принятую правительством Ельцина-Гайдара цену контракта в 10 млрд долларов. Так что навязывание этого контракта России, конечно, было актом «ядерно-топливной» и, одновременно, экономической войны.

Другие обвинения этого контракта — в «одностороннем ядерном разоружении России» и т. п. — несерьезны. К началу его исполнения в СССР-России были накоплены десятки тысяч ядерных боеголовок.

Это в 3–4 раза больше, чем можно было поставить на имеющиеся ракеты, которые к тому же начали скоропалительно резать. А еще немалый запас обогащенного оружейного урана (который, в итоге, в основном и перерабатывали на самом деле по контракту «ВОУ-НОУ») находился на складском хранении. А еще были плутониевые боеголовки и плутоний, который в России завершили нарабатывать на реакторе только в 2010 году...

Так что, конечно, российский ядерный комплекс, спасаясь от смерти контрактом «ВОУ-НОУ», заодно оказывал Америке очень крупную и очень дешевую для США «экономическую услугу». Но многие осведомленные эксперты считают, что это была (случайно или целенаправленно — отдельный вопрос) особая, «медвежья» услуга.

Дело в том, что этот контракт лишил США необходимости наращивать собственные обогатительные мощности. В результате в последнее десятилетие почти 40% (!!!) ядерной энергетики США работает на «разубоженном» уране из российских боеголовок. А еще не менее 7–9% их ядерной энергетики работает на таком же «разубоженном» уране из американских боеголовок.

Но это означает, что дефицит мощностей обогащения урана в США составляет почти 50%. И быстро такой дефицит — даже если удастся успешно решить проблемы новых центрифуг и лазерного обогащения — не ликвидировать. А контракт «ВОУ-НОУ» заканчивается в 2013 г., после чего Россия не несет перед США никаких «урановых» обязательств. И может продавать уран — и обогащенный, и «разубоженный» оружейный (которого у нас, по оценкам экспертов, еще немало) — кому угодно по достаточно высоким рыночным ценам. Поскольку — напомним цифры — мировой рынок энергетического урана и сегодня, и завтра остается остродефицитным.

Исходя из этого, придется признать, что катастрофа «Фукусимы», опять-таки, случилась очень кстати для США. Ведь она — хотя бы на время — вновь существенно снизила дефицитность рынка ядерного топлива. Шутка ли: Япония остановила 52 из своих 54 ядерных реакторов, Германия — 8 из своих 17, другие страны — еще несколько реакторов. А это в сумме около 12% мировых ядерных энерго мощностей. Плюс многие страны приостановили или сократили свои программы строительства АЭС.

Но ведь кроме этого многие реакторы в Европе уже отработали нормативный и «продленный» срок службы, и вскоре тоже должны быть остановлены. Откуда же тогда брать энергию?

Так что вовсе не случайно такое пристально-возмущенное отношение Европы к «диктатору-Газпрому» и российской «газовой политике». И неслучайно заинтересованное участие крупнейших германских и итальянских корпораций в проектах «Северного» и «Южного» потоков.

И неслучайно именно сейчас, когда Россия «по факту» оказалась владельцем одновременно и «газовой дубины», и «ядерно-энергетической дубины», началась столь острая и мощная международная политическая война вокруг тезиса о необходимости перестройки-2. Россию вновь хотят развалить и поставить в безвыходное положение, чтобы ей пришлось (конечно же, добровольно, по собственной необходимости) задеше-

во или вовсе бесплатно «делиться» тем, что ей принадлежит...

Возвращаясь к ядерной энергетике, еще раз подчеркнем, что «постфукусимский» синдром сокращения потребности в реакторном уране принципиально дела не меняет. Новых реакторов планируется строить много, и 104 работающих американских реактора тоже никуда не делась и «хотя бы топлива»...

Однако нет сомнений в том, что Россия вряд ли останется «королем» рынка энергетического урана надолго. США и Франция (они, прежде всего) построят новые обогатительные мощности. Они же, так или иначе, миром или войной, обеспечат себе доступ к урановым резервам Австралии, Мали, Казахстана, Намибии и т. д. Кроме того, здесь следует отметить, что американская корпорация NUKEM с 1992 года до середины прошлого десятилетия была исключительным поставщиком на мировой рынок узбекистанского урана. И что многолетняя американская игра в стиле «дружба-вражда» с Исламом Каримовым, безусловно, содержит в себе весомую «урановую» компоненту. Так что США вполне могут расширить свое участие в разработке (и покупках) урана из незначительных (около 100 тыс. тонн) резервов в недрах Узбекистана.

Это означает, что России в ближайшие годы следует максимально использовать свои преимущества мирового лидера по дешевому обогащению урана и поставкам качественного топлива для АЭС.

В связи с топливом нужно подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Недавние события на украинских АЭС еще раз показали всему миру с полной определенностью, что ядерный реактор и топливо для него «друг без друга не ходят». В 2005 г., при Ющенко, украинский «Энергоатом» заявил о диверсификации своей ядерно-топливной политики. А позже «Энергоатом» начал (сначала осторожно, помалу) загружать в реактор Южно-Украинской АЭС советской постройки вместо привычных топливных сборок (кассет) производства российского концерна «ТВЭЛ» аналогичные кассеты американско-японской корпорации Westinghouse. В 2010 г. на этом реакторе стояла половина кассет «ТВЭЛ» и половина — Westinghouse. И начались закупки кассет Westinghouse для других блоков Южно-Украинской, а также Запорожской АЭС.

Но в 2011 г., во время плановой контрольной остановки реактора, выяснилось, что в кассетах Westinghouse начали разрушаться конструкционные элементы. Пришлось полностью выгружать из реактора и проверять все топливо, причем выяснилось, что кассеты «ТВЭЛ» целы, а значительная часть кассет Westinghouse имеет существенные повреждения.

Проведенное расследование показало, что лишь своевременное обнаружение этих повреждений позволило избежать тяжелых «ядерных» последствий. А в сентябре 2012 г. представители украинской Главной инспекции ядерной безопасности заявили, что использование и ввоз в Украину свежего топлива Westinghouse запрещены.

И поскольку аналогичный печальный опыт поставок неработоспособных топливных сборок Westinghouse на реакторы ВВЭР советской постройки (такие же, как украинские) был в 2007 г. на чешской АЭС «Темелин», «мировое сообщество» не могло не усвоить, что подобные замены поставщика топлива обходятся «слишком дорого».

Однако повторим, статус уранового «топливного лидера» Россия вряд ли получила надолго. И тогда нельзя не задать вопрос: а что дальше? Есть ли у нас в «советско-российском загашнике» какие-либо крупные идеи и ноу-хау, позволяющие нашей стране сохранить ядерно-энергетическое лидерство и выигрывать будущие сражения на ядерном фронте энергетической войны?

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Главная цель фашистов заключалась в разрушении личности каждого заключенного до такой степени, когда ни индивидуальное, ни групповое сопротивление уже не было возможным

Переступить черту

Для того чтобы снизить способность противника к сопротивлению (в идеале — полностью лишить его этой способности), во время холодной войны и в последующую эпоху нередко использовались информационно-психологические приемы, идентичные приемам, применявшимся фашистами в ходе Второй мировой войны. Таких приемов множество. Но сейчас мы остановимся на одном, который назовем «ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ».

Этот прием описан, в частности, в книге психолога Бруно Беттельхейма «Просвещенное сердце», опубликованной в США в 1960 году. Будучи австрийцем еврейского происхождения, в конце тридцатых Беттельхейм оказался сначала в Дахау, а затем в Бухенвальде. Время «окончательного решения еврейского вопроса» тогда еще не наступило. Что позволило влиятельным американским заступникам Беттельхейма добиться его освобождения и эмиграции в США. (Так, во всяком случае, объясняет чудо своего спасения сам Беттельхейм.)

Автор описывает «инициацию», через которую проходили все заключенные концлагерей. Она начиналась уже на этапе транспортировки из местной тюрьмы в лагерь. Всю дорогу заключенных подвергали страшным и унижительным пыткам: хлестали плетью, били по лицу и животу, наносили огнестрельные и штыковые ранения, заставляли часами стоять на коленях и т. д. Но с особой жестокостью из них выбивалось любое проявление солидарности, товарищества, привязанности. Под угрозой смерти заставляли перевязывать раненых, людей заставляли оскорблять и избивать друг друга, обливать грязью своих жен и т. д.

Анализируя весь концлагерный опыт в целом, Беттельхейм делает следующий вывод: главная цель фашистов заключалась в разрушении личности каждого заключенного до такой степени, когда ни индивидуальное, ни групповое сопротивление уже не было возможным. А тот, кто вопреки нечеловеческим условиям, принимал решение «остаться человеком, пусть униженным и деградировавшим», должен был «все время сознавать, где проходит черта, из-за которой нет возврата, черта, дальние которой нельзя отступить ни при каких обстоятельствах, даже если это значит рискнуть жизнью. Сознавать, что если ты выжишь ценой перехода за эту черту, то будешь продолжать жизнь, уже потерявшую свое значение».

Свое рассуждение о «последней черте» Беттельхейм подкрепляет следующим примером. Надзиратель-эсэсовец приказал двум заключенным лечь в канаву, а третьему — закопать их живьем. Но этот третий, несмотря на угрозы, отказался выполнить приказ. Тогда последовал новый приказ: теперь те, кто только что избежал смерти, должны были закопать товарища, отказавшегося закопать их самих. И они быстро-быстро начали забрасывать его землей. Когда на поверхности осталась лишь голова несчастного, эсэсовец велел выкопать его обратно. Возвращенному к жизни было вторично приказано закопать тех, кого он изначально отказался погубить (хотя понимал, что отказ может стоить ему жизни). И он подчинился, перейдя таким образом «последнюю черту» — не выбитое предыдущими ужасами концлагерного существования представление о человеческом достоинстве.

Тема «последней черты» обсуждалась не только в научной литературе, но и в искусстве. В частности, в фильме венгерского режиссера Золтана Фабри «Пятая печать». Действие разворачивается в Венгрии осенью 1944 года, когда у власти находилось протемное правительство нацистов (представителей национал-социалистической партии «Скрещенные стрелы» — Nyilaskeresztes párt). Зритель становится свидетелем ареста и жестокого допроса четырех обывателей, которые вроде бы не представляют никакой опасности для режима. Допрос и пытки происходят под руководством молодого нациста, сдающего своего рода экзамен на профессионализм опытному наставнику («человеку в штатском»).

Кадр из фильма «Пятая печать», реж. Золтан Фабри, Венгрия, 1976 г.

Не удовлетворившись уровнем, продемонстрированным молодым коллегой, «человек в штатском» преподает ему урок психологического подавления противника. В чем же суть его «воспитательной методики» (как он сам это называет)?

По мнению наставника, те, кто активно сопротивляется, не представляют для власти подлинной проблемы, ибо таких — меньшинство. В случае Венгрии речь идет всего о нескольких тысячах. Всех их можно попросту физически уничтожить.

Другое дело — относительно пассивное большинство, «сопящее, жуящее стадо», «вообразившее о себе быдло», которое слишком далеко зашло в своих притязаниях на право считаться людьми. Как поставить все «стадо» в целом и отдельных его представителей на место? — всех ведь не перестреляешь. К тому же, убить человека — дело нехитрое, а вот превратить его «в нечто, по видимости живое, а по сути мертвое» — значительно сложнее. Люди, перенесшие пытки и унижения, конечно, будут бояться и ненавидеть своих мучителей, говорит наставник, но «пока в них хоть теплится чувство человеческого достоинства, мы ничего не достигнем». Не утратив самоуважения, представители этого самого «большинства» способны и протестовать, и сопротивляться, и даже бороться. И потому главная цель — «заставить их презирать самих себя. До отворачивания. И пока вы этого не добьетесь — все остальное не имеет значения».

На этом теоретическая часть урока завершается и начинается практическая. Четверку обывателей ведут в помещение, где всю ночь пытали рабочего, взорвавшего оружейный склад. Представшая перед ними картина ужасна: истекающий кровью человек, руки которого растянута в стороны веревками, поразительно напоминает распятого Иисуса Христа. Обывателям обещают свободу в случае, если они проявят гражданскую благонадежность, «выразив презрение» бунтарю. Для подтверждения благонадежности необходимо дать «Христу» две пощечины, испачкав при этом руки в его крови. Того, кто откажется выполнить задание, ждет смерть.

Переступает последнюю черту лишь один из четверых — часовщик Дюрица, которого трое других считали человеком с принципами. В доме Дюрицы тайно живут собранные им дети-сироты, чьи родители

погибли от рук нацистов. Оставить детей на произвол судьбы почти равнозначно тому, чтобы погубить их. Чем не повод для самооправдания? Однако самооправдания не получается. В финале, когда отпущенный на свободу Дюрица бредет по улицам, мы видим абсолютно раздавленного человека.

Какое отношение имеют эти страшные психологические эксперименты над людьми времен Второй мировой войны к нашей теме — удару по советскому коллективизму? Самое непосредственное.

В прошлой статье мы упоминали книгу Фридриха фон Хайека «Дорога к рабству». В ней «шершавым языком плаката» объяснено, что коллективизм — смертельный враг либерализма, поскольку он посягает на святая святых либерализма: принцип конкуренции.

Перестроенным «архитекторам либеральных реформ» — ученикам фон Хайека и его последователям — требовалось решить весьма непростую задачу. Необходимо было убедить советское общество с его представлениями о том, что человек человеку — друг, товарищ и брат, в безусловном преимуществе индивидуализма и конкуренции перед «совковым» коллективизмом.

И потому обществу так усиленно внушали, что никакого массового энтузиазма (этого наглядного проявления силы товарищества) не было и в помине, а все грандиозные стройки осуществлены руками репрессированных.

Потому столько сарказма было излито по поводу социалистических соревнований. То, что советский коллективистский опыт взяли на вооружение ведущие японские корпорации — «Тойота», например — стало фигурой умолчания. Между тем, японцы заимствовали у нас и идею соцсоревнований, и серьезное отношение к понятиям «трудоваья слава», «честь коллектива», и осознание важности не только материального, но и морального стимулирования сотрудников — всех этих «переходящих вымпелов», «досок почета» и т. д.

Потому популяризировался «принцип разумного эгоизма» («пожить для себя»). Общество, со ссылками на результаты соцопросов, пичкали информацией о том, что лучше всего живут холостяки и незамужние женщины среднего возраста — они зарабатывают больше, чем молодежь, и потому могут позволить себе жизнь «удобную и роскошную». Женщинам внушалось, что не нужно спешить обзаводиться детьми — сначала надо получить образование, сделать карьеру, купить квартиру, повидать мир...

Потому бесконечно взвинчивались потребительские аппетиты. Но если в начале перестроенного процесса речь еще шла о потреблении как всеобщем благе («дайте нам 300 сортов сыра!», «машину каждой семье!»), то очень быстро от «всеобщности» не осталось и следа. В короткие сроки между «успешным меньшинством» и «неуспешным большинством» пролегла пропасть. Акцент сместился с «потребления вообще» на «достойное потребление». А достойное потребление — удел немногих. Вспомним относительно недавний пример — рекламу одежды для школьников в ЦУМЕ: «Кто не в Prada, тот лох».

Помимо колоссальных информационно-психологических усилий, направленных на борьбу с коллективизмом, страшным вкладом в дело его разрушения стало закрытие множества советских НИИ и крупных предприятий, уникальные коллективы которых складывались годами.

И, тем не менее, к началу XXI века расковырять до конца наш коллективистский социокультурный код все еще не удалось.

Очередь желающих подсмотреть за участниками шоу «За стеклом». Москва, гостиница «Россия», 2001 г. Фото — В.Веленгурин.

В 2000-х годах информационно-психологическая война против коллективизма вышла на новый уровень. Россияне стали приобщаться к телевизионным реалити-шоу.

Характерно, что обязательным элементом многих реалити-шоу была необходимость ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ. Но если во время Второй мировой войны людей вынуждали делать это под угрозой смерти, то в реалити-шоу участникам ничего не угрожало — желая получить денежное вознаграждение, они переступали черту добровольно, ибо таковы правила игры. Разница — огромна. Но способ расчеловечивания — один.

Первым российским реалити-шоу стал проект «За стеклом». Три молодых человека и три девушки должны были в течение длительного времени непрерывно существовать под всевидящим оком телекамер. Участники предупредили, что камеры установлены во всех точках, кроме туалета. В первые три дня они отказывались мыться. Потом пообвыклись. Позже телезрителей порадовали известием о том, что на самом деле камера есть и в туалете! К счастью, от «туалетных» подробностей зритель был избавлен. А вот мытье одной из участниц под душем стало «гвоздем сезона». Другой обещанный «гвоздь сезона» — секс в прямом эфире — зрителей разочаровал, поскольку оказался на деле просто возней под одеялом, к тому же малохудожественной...

Социолог Татьяна Протасенко указывает, что производители и спонсоры программы «За стеклом» «вели себя жестко, а порой даже враждебно по отношению к участникам. Их диктат превращал ребят в рабов. Иногда казалось, что застеколье — арена цирка, где дрессировщик бьет хлыстом, а зебры рычат, но подчиняются».

Возникает вопрос: если производители и спонсоры программы — рабовладельцы, участники — добровольно запродавшие в рабство, то кто же зрители? Основная функция, введенная в рамках проекта «рабам», — вновь и вновь переступить черту: оголяться перед камерами, совокупляться перед камерами и т. д. А основная функция зрителя — за всем этим подглядывать. Но разве подглядывание за частной жизнью не есть само по себе переступание черты?

Впрочем, назвать «частной жизнью» то, что происходило в программе «За стеклом» (а позже — в программах «Дом» и «Дом-2»), язык не поворачивается. Вспоминается стихотворение Александра Блока «Унижение»:

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шторы, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?
(Выделено мной — А.К.)

Между тем, трансляция подобных передач преследовала и преследует вполне определенную цель: приучить общество к тому, что «меж людьми суждено» именно так, как в программах «За стеклом», «Дом-2» и пр.

Заметим, что, согласившись подглядывать, зрители, тем не менее, не слишком комфортно чувствовали себя в этой шкуре. Согласно соцопросам, программа «За стеклом» вызвала положительные эмоции у 16% телезрителей, отрицательные — у 40%.

Если проект «За стеклом» фактически выдвигал модель межличностных отношений в малых группах, то проект «Последний герой» претендовал уже на нечто большее. Принцип жесткой конкуренции был реализован здесь во всей красе. К участию в «Последнем герое» привлекались представители самых различных слоев современной России — актеры, врачи, писатели, пенсионеры, безработные, студенты и т. д. Возникла как бы модель общества в миниатюре.

Но эту тему мы обсудим уже в следующей статье.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Проблема в том, что армия, использующая нелетальное оружие, должна сражаться против армии, вооруженной обычным, смертельным оружием

Иллюзии постклассической войны — 2

Прежде чем рассказать о детище Д.Александра и его команды — нелетальном оружии, добавим еще два слова об атмосфере, которая сейчас существует в США вокруг темы спецсолдат-экстрасенсов, левитаторов, телепатов и прочих проходящих сквозь стены, одним словом, воинов-джедаев.

Эта тема сначала была поводом для скандала (армию США обвиняли в пытках заключенных тюрем Гуантанамо, Абу-Грейб и других с применением нелетальных технологий Александра), потом ее творцы стали восприниматься почти как сумасшедшие, но безобидные уфологи.

В 2004 году британский журналист Джон Ронсон написал злую сатирическую повесть «Вперившиеся в козлов» («The Men Who Stare at Goats»). Название намекает на неудачный эксперимент по мысленному контакту с животными, а сама повесть Ронсона представляет собой полудокументальное исследование с реальными именами и эпизодами, множеством интервью с бывшими «джедаями», с их бывшими руководителями и т.д. А в 2009 году Голливуд выпустил по его книге фильм под названием «Безумный спецназ», где сарказм Ронсона смягчен до легкой иронии, а лирико-драматический финал прямо намекает на то, что над неудачами первопроходцев поначалу всегда смеются, но именно благодаря им человечество познает неизведанное.

Ирония... Патетика... Определенная доля военного бюджета США тратится на настоящее нелетальное оружие. Речь идет о десятках миллиардов долларов. И три процента от этих десятков миллиардов идут на экзотические причуды Александра. Казалось бы, мелочь. Но если практичные американцы, трепетно относящиеся к расходованиям средств налогоплательщиков, расходуют их на экзотику, то потому, что хотят извлечь из этого реальную выгоду. Ведь извлекли же архитекторы нашей перестройки вполне реальную выгоду из телевизионных выступлений Кашпировского, Чумака и многих других. Советский Союз развалился, потому что по общественному сознанию был нанесен удар, в том числе, и с помощью этого. И когда видишь, как вздымается новая волна того же самого (а она, к сожалению, очевидна), посещают самые мрачные мысли. В том числе, и о перестройке-2.

Но пора переходить от обсуждения экзотики к обсуждению нормальных видов нелетального оружия. Тех видов, в которых нет ничего от экстрасенсорных фантазий (которые, как мы убедились, тоже ведь не вполне фантазии).

Нормальные нелетальные технологии, как уже говорилось, признаны последним словом в военном деле, их воплощением в практику заняты десятки и даже сотни исследовательских и производственных групп и, несмотря на строгую секретность (или благодаря ей), постоянно находятся в поле внимания СМИ.

Сейчас в отечественной и западной прессе существует не только описание тех или иных видов этого оружия, но и серьезные классификации NLW по факторам и способам воздействия на человека.

Наиболее устоявшееся определение нелетального оружия таково: «Оружие нелетального воздействия — это оружие, которое разработано специально и применяется главным образом так, чтобы выводить из строя персонал или вооружение и военную технику противника, минимизируя при этом безвозвратные потери личного состава и нежелательное нанесение ущерба материальным ценностям и окружающей среде».

Нелетальное оружие считается не только наиболее гуманным видом оружия, но и наиболее эффективной альтернативой классическому и, тем более, ядерному оружию в недалеком будущем.

Факторы нелетального оружия воздействуют на человека двумя способами. Во-первых, непосредственно (прямое воздействие), т.е. путем ограничения его возможностей (нарушение внимания, мышления, движения, способности принимать решения) или через воздействие негативных импульсов на органы чувств (вызывающих

Главстаршина 2-го класса с авианосца «Авраам Линкольн» (CVN 72) В.Арройос испытывает нелетальное оружие Dazzler, предназначенное для временного ослепления или дезориентации противника. Фото с сайта Aguar.wordpress.com.

раздражение, резкую боль, временную потерю зрения, равновесия и координации движения, потерю сознания), или, наконец, механическим способом через применение обездвиживающих средств (специальной сверхлипкой пены, клея, сетей и т.д.).

Во-вторых, это косвенное (непрямое) воздействие, когда применение NLW нарушает условия жизни или работы, выводит из строя жизненно необходимые системы (источники энергии, системы пищевого снабжения, средства коммуникации, системы наблюдения и наведения и т.п.).

Среди средств прямого воздействия можно выделить средства кинетического воздействия, например, всем уже известные травматические пистолеты, стреляющие резиновыми пулями или особыми мешочками с песком. Или сеткометы, набрасывающие на человека прочную кевларовую сеть на расстояние до 10 метров. Или водометы, применяемые для разгона демонстрантов. Или ружья, стреляющие ирригантами — химическими составами раздражающего, усыпляющего или парализующего действия, а также малодорантами — зловонными веществами. Или электрошоковые устройства, стреляющие специальными патронами, которые при попадании воздействуют мощным электрическим зарядом.

Сюда же относятся световые (ослепляющие), шумовые (оглушающие) гранаты и их комбинации; акустические пушки, способные вызвать сильную боль в ушах (такие сегодня применяются против морских пиратов); вооружения, использующие электромагнитное (микроволновое) излучение, которое вызывает труднопереносимую обжигающую боль, но не нарушает работу жизненно важных органов человека; наконец, всевозможные пенные составы, либо прилепляющие противника к земле, либо делая дорожку столь скользкой, что по ней невозможно передвигаться.

Другой вид нелетального оружия — средства воздействия на вооружения и военную технику. От простейших — специальных сетей, способных остановить на скорости четырехтонный грузовик, до более сложных — аэрозолей, превращающих бензин или смазку в военной технике в густое желе, или химических веществ, воспаляющих резину колесной техники.

Во время агрессии в Югославии, например, с натовских самолетов разбрасывались длинные металлизированные ленты, которые, попадая на провода линий электропередачи, создавали короткие замыкания.

В ходе войны в Ираке США впервые применили установки психотронного воздействия, которые были размещены на американском крейсере «Белкап». После включения этих установок, как пишут западные издания, закаленные гвардейцы Саддама Хусейна, охваченные животным страхом, сдавались сотнями и тысячами.

Отметим также, что практически все работы по конструированию и совершенствованию несмертельного оружия заказываются и финансируются Пентагоном, а его конструктивные особенности и физические принципы являются строжайшим секретом. Кроме того, в 1999 году Советом НАТО утверждены основы для принятия нелетального оружия на вооружение альянса.

Одновременно идет безудержная реклама этого вида оружия в СМИ. Маститые и не очень эксперты убеждают, что будущая

война будет выглядеть так: солдаты противника, ослепленные и оглушенные, потерявшие представление о том, где они находятся, беспорядочно разбегаются в разные стороны, оставляя на поле боя обездвиженную и горящую военную технику, а супертехнологичные американские войска победно движутся к своей цели.

Впрочем, это картинка для особо впечатлительной публики. На деле все немного сложнее.

Начать с того, что пока трудно найти примеры высокой боевой эффективности как нелетального оружия в целом, так и отдельных его видов. Главным образом его сегодня применяют при проведении полицейских и миротворческих акций — разгонах демонстраций, подавлении беспорядков в гражданском секторе и т.д., а это, согласитесь, вовсе не равнозначно боевому применению.

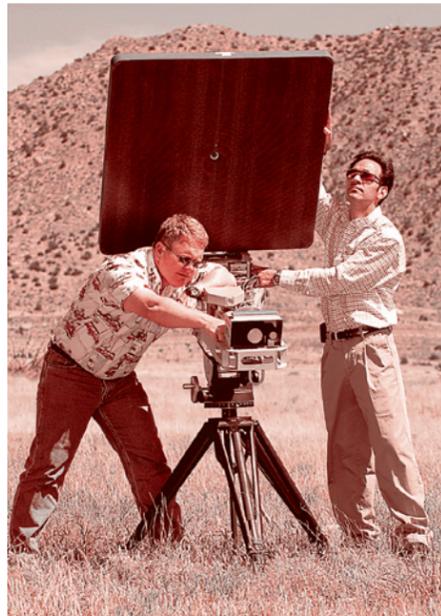
Правда, западные источники утверждают, что именно полицейские и миротворческие акции станут основным содержанием войн будущего, а те, кто ориентируется на традиционную войну, — остальные консерваторы, но проверить, так ли это будет, пока нет никакой возможности.

Так, по ряду сообщений, в 1995 году в Сомали американские морские пехотинцы использовали липкую пену для того, чтобы построить заградительный барьер против мятежной толпы. Когда пену распылили, и она мгновенно образовала заградительную стену, сомалийцы подождали, когда она подсохнет, и легко перелезли через нее. Утверждается, что это был первый и последний случай применения пены в боевых условиях.

Многочисленно описанная микроволновая система активного отбрасывания (Active Denial System), вызывающая у человека нестерпимую жгучую боль, весьма эффективно смотрится на полигоне — в чистом поле стоит человек, на него направляют излучающую антенну... и он с криком убегает. Но в реальной боевой обстановке система обладает массой недостатков.

Во-первых, прибор имеет весьма малый радиус действия (до 500 метров), и добиться его увеличения пока не удается. Кроме того, сама установка и обслуживающий ее персонал весьма уязвимы. Это безоружную толпу демонстрантов легко разогнать обжигающими микроволнами, а как противостоять регулярным войскам, имеющим на вооружении не только обычное стрелковое оружие (что стоит снайперу с расстояния в километр «снять» оператора?), но и дальнобойную артиллерию, управляемые противотанковые средства, боевые вертолеты и беспилотники? Еще сложнее использовать прибор в партизанской войне — в лесу, на пересеченной местности, из засад, невидимые и неслышимые, партизаны уничтожат установку в два счета.

Разработчики нелетального оружия В.Морс и Д.Пэчко настраивают портативную «Систему активного отбрасывания» — Active Denial System, вызывающую у человека непереносимые болевые ощущения. Фото с сайта share.sandia.gov

Химические составы раздражающего и усыпляющего действия также не лишены принципиальных недостатков. Во-первых, они известны еще с Первой мировой войны и против них давно нашли защиту в виде противогазов и средств химзащиты. Во-вторых, использовать их можно лишь в особых, почти стерильных условиях — при отсутствии ветра, осадков, тумана и т.п. — иначе либо химсостав значительно ослабнет, либо, при перемене ветра, может повредить собственным войскам.

О самых фантастических изобретениях из области нелетального оружия уже сами авторы стараются не упоминать. Например, предлагалось распылять над войсками противника особый состав, привлекающий кусающих и жалающих насекомых, и «боевые пчелы» или «боевые комары» набросаются на солдат противника и зажалат их если не до смерти, то до потери чувства долга. Что ж, в любую войну солдатам приходилось терпеть кровососущих насекомых, и история войн умалчивает о том, чтобы какое-либо сражение было проиграно из-за их укусов.

Короче говоря, сами творцы и сторонники нелетального оружия сейчас сконцентрировались лишь на перспективных направлениях разработок. Это, в частности, психотронное оружие, лазерное оружие, компьютерное оружие, инфразвуковое оружие, оружие с использованием электромагнитного импульса и ряд других.

Наконец, есть ряд нерешенных концептуальных проблем. Одна из них в том, что дисциплинированного солдата слабыми «нелетальными» средствами остановить очень сложно. А если усилить, к примеру, электрический импульс электрошокового устройства или концентрацию парализующего газа, то оружие из нелетального тут же превращается в летальное.

Другая проблема в том, что нелетальное оружие пока непривычно, и поэтому срабатывает эффект неожиданности. Но как только оно станет достаточно распространенным, изобретательный человеческий мозг обязательно придумает либо средство защиты от него, либо средство его уничтожения.

Наконец, еще одна проблема в том, что армия, использующая нелетальное оружие, должна сражаться против армии, вооруженной обычным, смертельным оружием. Как долго выдержит такую войну армия, связанная принципом «гуманной войны»?

Аналитик в области безопасности Сидни Фридберг как-то заметил, что превосходство в технологии почему-то не спасло США 11 сентября 2001 года. Инженерное чудо — пассажирские лайнеры «Боинг», использованные для атаки на Нью-Йорк и Вашингтон, — были захвачены террористами, вооруженными обычными ножами.

Войска США, проводившие антитеррористическую операцию в Афганистане, в горах Торо-Боро, чаще использовали верховых лошадей и старейший самолет-бомбардировщик В-52, произведенный полвека назад, чем новейшие супертехнологии.

Как ни удивительно, именно Джон Александр считает, что чем сложнее и высокотехнологичнее система обороны и безопасности, тем эффективнее будут против нее самые примитивные методы ведения войны и совершения диверсий. Современный военный компьютер, способный точно рассчитать траекторию попадания боевой ракеты прямо в бункер Бен Ладена, имеет множество слабых мест. Его не только можно перепрограммировать и отправить ракету обратно — то есть в самого стреляющего, но и сделать полностью бесполезным, просто обесточив.

Что ж, приходится согласиться с Александром в этом утверждении.

Мы вовсе не хотим сказать, что высокие военные технологии не важны и не нужны и что в случае войны мы шапками закидаем летящие на нас крылатые ракеты. Мы лишь хотим подчеркнуть, что традиционное оружие и технологии еще долго не утратят своего значения, а новейшие методы ведения войны, включая нелетальные, далеко не всегда можно применять.

Юрий Бардахчиев

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

Российские чиновники становятся народу России всё дороже и дороже

Перепроизводство элит

К.Хотяновский. Перестройка. 1988 г.

Одним из главных — и весьма разрушительных — лозунгов перестройки была так называемая борьба с привилегиями номенклатуры. Сегодня на фоне наблюдаемой всеми нами пропасти между доходами и уровнем жизни богатых (к которым относятся и новая «номенклатура») и бедных (то есть всех остальных) о тех «привилегиях» смешно говорить, но тогда они казались (или были искусно представлены) гражданам просто возмутительными и недопустимыми. Так же, как привилегии номенклатуры, не устраивало перестройщиков и количество этой самой номенклатуры — казалось (или, опять же, было умело кем-то показано), что ее слишком много. Огромное раздражение и недовольство вызывали также бюрократизация, неэффективность управления, коррупция...

Прошло 25 лет. В современной России многократно превышены все негативные «достижения» советской бюрократии — и по численности, и по неэффективности, и по привилегиям, а про коррупцию даже и упоминать не хочется... Значит ли это, что тогдашнее перестроечное недовольство номенклатурой было целиком надуманным и необоснованным, а может, даже навязанным нам врагами, желавшими гибели Советскому Союзу? Нет! Хотя нет никаких сомнений, что враги приложили к этому руку, важно осознать другое — недовольство чиновничеством, бюрократией есть признак какого-то общественного неблагополучия, симптом некоего важного социального процесса, который исключительно опасен и может привести (конечно, совместно с другими процессами) к самым непредсказуемым и плачевным последствиям.

Растущее сейчас в России недовольство чиновничеством, постоянное внимание к их численности, повадкам и доходам, постоянные песни новой перестроечной «опозиции» про «жуликов и воров» — все это очень напоминает незабвенную «борьбу с привилегиями». Возможно, мы опять наблюдаем симптомы такого же (или того же) процесса, который был одним из двигателей перестройки? Попробуем с этим разобраться.

Российские чиновники становятся народу России всё дороже и дороже. В прямом смысле слова. Во-первых, потому что как их, чиновников, ни сокращают, а их все больше и больше становится. (Кстати, их много, но это, как выяснилось, не предел, есть большие потенциальные возможности — штаты в госорганах заполнены в среднем на 90%, а если все возможные места будут заняты, то чиновников у нас будет не 1 603 693 человека, как сейчас, а 1 781 881. То есть на 175 тысяч больше. Но это так, ерунда, мелкие придирки). И, в общем, все мы понимаем, что страна большая, «вас много — а я одна!», простите, то есть нас много, а их мало...

Во-вторых, потому что получают они все больше и больше. И со своей средней зарплатой (только зарплатой!) вошли уже в группу населения с наибольшими доходами — см. рис.1, которая в совокупности получает почти половину всех вообще доходов. Конечно, госслужащие в этой группе не одни — там еще работники банковской сферы, добытчи-

ки и продавцы нефти и газа, руководители разного рода... Но все равно мы, граждане (как главные и единственные спонсоры этих чиновничьих успехов) вправе гордиться — госслужащие относятся к тем 20% населения, которые получают 48% всех доходов в стране.

А если бы учесть те доходы, которые чиновники получают помимо зарплаты... Так они бы вошли наверняка в 10% самых богатых россиян. И мы бы ими еще больше гордились! Потому что 10% самых богатых получают в России (см. рис. 2) доход в 16 раз больший, чем 10% самых бедных! Есть ведь чем гордиться?

Конечно, по дифференциации доходов Россия далеко не на первом месте, нам есть к чему стремиться. Вот, например, на Гаити, по данным ООН, коэффициент фондов равен 71,7, а в Центральноафриканской республике — 65,3. Ну, так в этих странах демократия и либерализм давно хозяйничают,

а у нас только 25 лет. Так что у нас все впереди. Гораздо важнее, что нам, гражданам, для своих чиновников ничего не жалко — ну становятся они все богаче и богаче — и хорошо! Мы ж не жадные?!

В общем, мы свою бюрократию любим и уважаем. Иначе как можно объяснить тот факт, что уже многие годы одним из самых престижных и желанных для молодежи мест работы и карьеры является госслужба? Так, по данным опросов, более половины российской молодежи (от 18 до 30 лет) считают государственную службу даже привлекательнее бизнеса. И поразительное дело — несмотря на громкую критику чиновничества (коррупции, неэффективности и пр.) в обществе и СМИ, несмотря на постоянные, вплоть до уголовных дел, скандалы с участием госслужащих, привлекательность госслужбы только растет. Вот, например, данные опроса Фонда «Общественное мнение» — см. Рис. 3.

Опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) дают ту же самую картину — карьера на госслужбе привлекает более половины молодых россиян. Директор ВЦИОМа Валерий Федоров объясняет это «чисто российской спецификой: наших соотечественников подчас интересует не сама работа, а то, что она приносит — деньги, иные материальные ценности, престиж, известность, власть. И не важно, что работа чиновника сложна и мало кому интересна, главное — какие открываются возможности». (Только непонятно, почему В. Федоров считает это «чисто российской спецификой»? Неужели в других странах чиновничья работа привлекает людей чем-то иным, а не «деньгами, престижем и властью»?).

Итак, чиновников все больше, они все дороже, и стать чиновниками жаждет половина молодежи. К чему бы это?

В прошлой статье (см. предыдущий выпуск газеты) мы остановились на подозрении директора Института социологии РАН Михаила Горшкова относительно формиро-

вания в России нового социального класса — класса чиновников. По-мнению М. Горшкова (основанному на социологических исследованиях), интересы этого класса противоречат интересам общества и народа. Действительно ли это так?

Слова «интересы ... класса ... противоречат интересам общества» явно намекают на Маркса. Однако трудно сказать, какой именно тип «социального класса» имел в виду М. Горшков. Теории классов стали необыкновенно «модными» в социологии и политических науках после «практического успеха» в России марксовской теории классовой борьбы — «хозяева мира», опасаясь революции в своих странах, бросились изучать Маркса и создавать свои теории классов и их взаимодействия. Поэтому определений «классов» нынче почти столько же, сколько социологов.

Что касается самого Маркса, то у него, как это ни покажется странным, нет ясно очерченного и завершеного определения социального класса. И специальный текст о классах остался ненаписанным: «Капитал» обрывается на первых страницах главы под названием «Классы». Поэтому, говоря о теории классов Маркса, мы в большинстве случаев пользуемся определением В. И. Ленина, который определил их так: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенной укладке общественного хозяйства» (Ленин В. И., ПСС, т. 39, с. 15). Если пользоваться этим определением, то чиновники в современной России, очевидно, являются неким подобием класса, так как точно могут

Рис.1. Распределение доходов между 20%-ными группами населения.

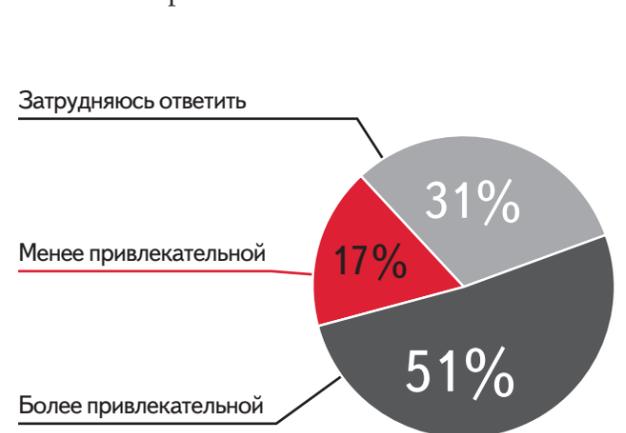

Рис.2. Динамика коэффициента дифференциации доходов в России в 1995–2010 гг.

(Так называемый коэффициент фондов — отношение совокупных доходов 10% населения с наибольшими доходами к доходам 10% населения с самыми низкими доходами), в размах.

Рис.3 Распределение ответов на вопрос ФОМ «В последнее время работа на госслужбе становится для россиян более привлекательной или менее привлекательной?»

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

присваивать труд других людей. Но не в силу того, что они являются собственниками средств производства (все-таки не все чиновники являются собственниками, хотя не без этого), а потому что они имеют практически неограниченные права на распоряжение, управление собственностью — как государственной, так и частной в какой-то степени — вспомните бесконечные истории о переделе собственности с участием разных госслужащих, о ракете и наездах на предпринимателей со стороны государственных структур, о коррупции, в конце концов. В лице и руками своих служащих наше бандитское государство, по существу, имеет неограниченные возможности по распоряжению собственностью, которая им не принадлежит. И соответственно, на присвоение труда тех, кто работает.

Помимо жестких определений и теоретических раскладов, у каждого из нас есть и некоторые субъективные основания считать чиновников (в широком смысле) неким единым классом, преследующим единые цели. Мы живем в атомизированном обществе, мы — каждый сам по себе, мы ни с кем не объединены (семья не в счет), никак не организованы, у нас нет никаких групповых привязок, групповых целей, групповых ценностей... население, одним словом. И вот этому атомизированному «населению» противопоставлена некая организованная группа лиц, имеющие (пусть и противные) но общие цели и ценности, образ действий, а в последнее время — и общий (похожий) образ жизни. Они — не мы, и это очевидно каждому. Поэтому понятно, что идея выделить их в отдельную категорию, отдельный класс представляется каждому вполне естественной.

Конечно, чиновники не вполне класс, в понимании Маркса и Ленина. Но, учитывая очевидное и все углубляющееся сращивание чиновничества и бизнеса (не только в смысле коррупции и злоупотребления служебным положением чиновниками, но и в смысле массового прихода людей из бизнеса на госслужбу), можно говорить о формировании некоего псевдокласса «правящий класс» — который вполне себе присваивает наш труд в силу своей особой «роли в системе общественной организации труда» и особых способов получения «той доли общественного богатства», которой они располагают.

Что нам дает понимание того, что «правящий класс» сформировался в некий псевдокласс? Это заставляет задуматься о том, каковы «объективные интересы» этого псевдокласса и каково его классовое сознание. А так же о том, к чему может привести Россию класс (не забываем, что это — без кавычек — правящий класс), с такими объективными интересами и таким классовым сознанием.

Относительно «объективных интересов» все предельно ясно — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что главный интерес «правящего класса» как псевдокласса — дить свою власть, свое господство до бесконечности. Но интересы бюрократии, как показал еще Маркс, в буржуазном государстве всегда противостоят интересам общества, так как бюрократия замещает «всеобщий интерес» своим узкокорыстным интересом, который она выдает за всеобщий. В результате происходит «присвоение государства» чиновничеством, которое при этом органически не способно решать государственные проблемы. Маркс писал, что

бюрократия, подменяя своими личными подлинными государственными задачами, образует «ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело» общества.

Что касается «классового сознания», то оно хорошо раскрыто в «работах» Ю. Латыниной. Латынина не чиновник, но в «правящий класс» она, несомненно, входит. Хотя и скромничает, относя себя только к «креативному классу» (который тоже требует особого социологического анализа, но это придется сделать в отдельной статье). Так вот, Латынина постоянно отмечает «одну очень простую вещь: быдла в России больше, чем свободных людей по той же причине, по которой в океане анчоусов больше, чем дельфинов». Тема естественного превосходства дельфинов (то есть элиты) над анчоусами (то есть народом), а также прискорбный факт, что анчоусы постоянно мешают дельфинам осуществлять свое врожденное господство — одна из главных тем «творчества» Латыниной, а также одна из главных направляющих «классового сознания» нашего «правящего класса».

Это же подтверждают и недавние высказывания Г. Грефа, который, как известно, был министром, то есть чиновником, а потом плавом «перетек» в бизнес, став главой крупнейшего банка страны — Сбербанк. Так вот, Греф недавно сказал буквально следующее (есть мнение, что он шутил; пусть даже и так, но ведь в каждой шутке есть доля шутки, как говорят в Одессе): «Вы говорите страшные вещи. Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Как только простые люди поймут основу своего я, самоидентифицируются, управляют, т.е. манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемы, когда имеют знания».

Пусть никто не подумает, что приведенные здесь цитаты и оценки претендуют на анализ или даже только описание интересов и «классового сознания» нашей элиты. Это — отдельная серьезная задача, которая не входит в планы данной статьи. Однако хотелось бы передать общий вектор, общее настроение этого «сознания». Представляется, что настроение это понятно. И интересы, и сознание правящего класса и «элиты» России глубоко антинародные, антигосударственные и антироссийские. Но это ведь не новость?

Новостью является другое. По совокупности, данные о доходах, количестве и престиже профессии чиновников приводят к предположению о том, что в России наличествуют признаки так называемого перепроизводства элит — процесса исключительно опасного для страны и общества — того самого, который имел место и перед перестройкой, и который много способствовал тому, что перестройка была с таким воодушевлением воспринята советской интеллигенцией.

Перепроизводство элит — один из важнейших процессов в рамках Структурно-динамической теории (СДТ) исторической социологии, которая активно развивается сейчас рядом отечественных и зарубежных ученых. Ни в коей мере не желая пропагандировать или, наоборот, критиковать эту теорию, тем не менее, скажем, что в работах историков, которые ее развивают, продемонстрированы ее значительные объяснительные возможности при исследовании перио-

дов общественной нестабильности в разных странах и в разные времена.

Один из много работающих в развитие этой теории ученых — Петр Турчин, профессор Коннектикутского университета, США — таким образом излагает основные положения СДТ: «Структурно-демографическая теория (СДТ) представляет общество как динамическую систему, состоящую из трех основных подсистем: народ, элиты, государство. Термин «элиты» используется нами в социологическом смысле: сегмент населения, который концентрирует власть в своих руках, «правящий класс»...»

Нелинейные связи в системе народ — элиты — государство приводят к долгосрочным колебаниям в демографических, экономических, социальных и политических структурах обществ, «вековым циклам». Вековой цикл состоит из двух фаз: интегративной (сильное государство, внутренний мир и порядок) и дезинтегративной (слабое государство, социальная и политическая нестабильность, революции и гражданские войны). Характерная продолжительность каждой фазы — около столетия.

Переход от интегративной фазы к дезинтегративной происходит в результате действия трех основных структурно-демографических процессов... некоторые из этих процессов уже были изучены Томасом Мальтусом, другие — Карлом Марксом, третьи — Максом Вебером. Однако СДТ не является ни грубой мальтузианской теорией, ни неомарксизмом, а скорее новой синтетической теорией».

Первый процесс — избыточное предложение на рынке труда, ведущее к стагнации или даже снижению уровня заработной платы и, в конечном счете, к падению реального уровня жизни основной части населения. Одновременно увеличивается разрыв между богатыми и бедными, растут показатели дифференциации доходов — «падение ... заработной платы означает, что плоды роста экономики достаются преимущественно экономическим элитам... Следовательно, состоящие самых богатых членов общества должны расти гораздо быстрее, чем средние показатели по обществу, ... т.е. должно расти экономическое неравенство».

Отметим, рост экономического неравенства в нашей стране не останавливался с рождения «новой демократической России» ни разу — см. рис. 2 — и достиг уже вполне впечатляющих «успехов», который все мы имеем удовольствие наблюдать в телевизоре, который с упоением каждый день показывает нам красивую жизнь разных Абрамовичей и прочих Собчак. Что касается падения уровня жизни основной части населения, то в краткосрочной перспективе кому-то может казаться, что его не происходит, и даже наоборот, есть некоторый рост. Во всяком случае, в сравнении с голодухой 90-х годов сейчас вполне можно жить. Однако если сравнить с советским временем, то каждому очевидно, что уровень жизни основной части населения снизился очень значительно, в разы. Если же взять в расчет перспективы основной части населения в части изменения уровня жизни, то... не хочется даже об этом думать. Очевидно также и то, что видимое экономическое неравенство и сказочная жизнь наших богатых — это как раз за счет ухудшения жизни всех остальных.

Второй процесс — перепроизводство элит. «Избыточное предложение труда в краткосрочном плане создает крайне благоприятные экономические условия для элит. Но оно также несет в себе семена будущих проблем. Во-первых, когда богатство становится фундаментом социального статуса, важен не абсолютный его уровень, а относительный — по сравнению с референтной группой. Поэтому успешные члены элиты никогда не удовлетворяются достигнутым, а неудачники испытывают особенно острые страдания, когда не могут успешно соревноваться в показном потреблении. Во-вторых, благоприятная экономическая конъюнктура приводит к появлению так называемых элитных претендентов... которые ... богатство стремятся обратить в политическую власть и социальный статус. ... В результате растет конкуренция за «элитные позиции» во власти, в экономике и в «статусных» организациях. Таким образом, благоприятная экономическая конъюнктура ... приводит к ситуации перепроизводства элит, когда элитных мест гораздо меньше, чем желающих их занять».

Считается, что универсальный признак перепроизводства элит и сопровождающего его обострения внутриэлитной конкуренции — рост спроса на высшее образование и инфляция дипломов, когда большинство студентов учится не для того, чтобы получить образование, а чтобы получить диплом, который дает преимущества в конкуренции за элитные позиции. И то, и другое — в полной мере наличествует в современной России.

По данным опросов, высшее образование является ценностью для подавляющего большинства граждан. Стабильно примерно три четверти участников опросов считают, что «сегодня важно» иметь высшее образование, причем среди молодежи ценность высшего образования еще выше — получить высшее образование считают необходимым более 80%. И число людей, получающих высшее образование, неуклонно растет — см. рис. 4.

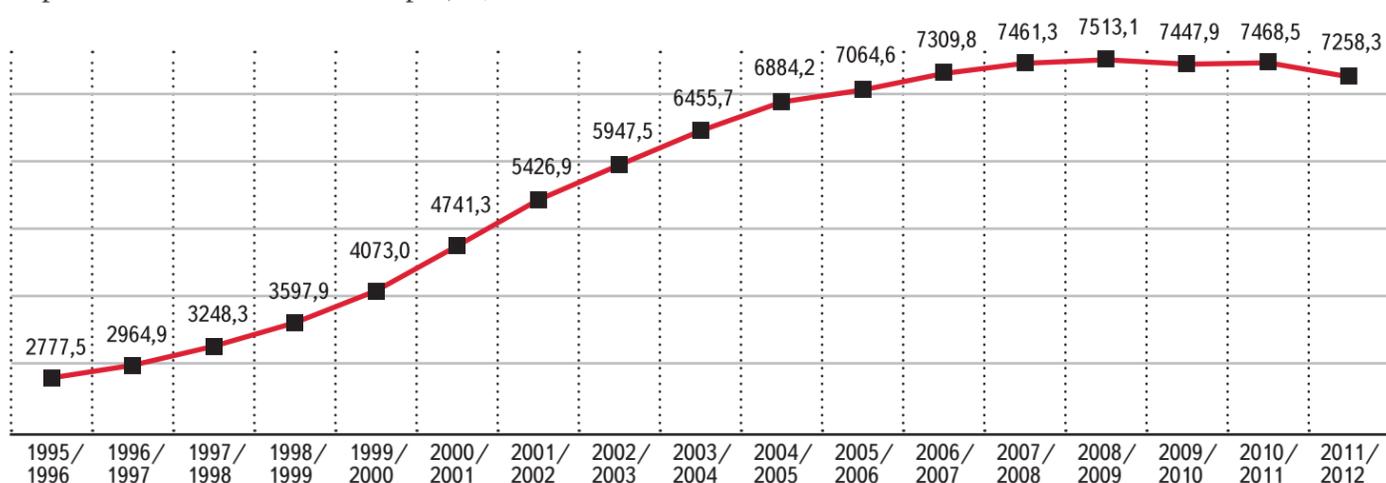
Интересно (но уже не неожиданно), что в позднем Советском Союзе тоже наблюдалось некое «перепроизводство элит». Согласно советской статистике, в 1940 г. в СССР было 619 тысяч инженеров и техников, в 1960-м — больше 3 миллионов, в 1985-м — более 15 миллионов. Общее число научных работников с 1950-го по 1985 годы возросло в девять раз. Примерно та же картина характерна и для всего советского «образованного сословия». В итоге образовались в 1980-х образовались такие «перекосы» в оплате труда, которые не могли не иметь последствий: в среднем больше всех получали строительные рабочие, инженеры оказались на четвертом месте, врачи на предпоследнем шестнадцатом, и замкнули список работники культуры. Иными словами, советская интеллигенция столкнулась с «инфляцией статуса».

То есть очевидно, что произошло «перепроизводство» специалистов с высшим образованием, особенно так называемой технической интеллигенции. Ее нужно было обеспечивать соответствующими ее образованию и претензиям работой и статусными позициями, однако ни то, ни другое ей не было предоставлено: все места были заняты предыдущими поколениями, социальные «лифты» остановились, социальная мобильность исчезла. И эти миллионы потенциальных представителей элиты, «элитных претендентов», как их называет Турчин, оказались, по сути, лишними людьми. И именно они, как показывают исследования и рассказывают очевидцы (и мы можем лично это подтвердить), составляли большинство ходивших на перестроенные демонстрации. Это они и одобрили — от имени всех остальных — перестройку.

Не происходит ли то же самое и сегодня, когда наступление перестройки-2 уже трудно не заметить? Кто ходил на Болотную и Сахарова? Вряд ли все эти люди были агентами Госдепа или безмозглыми креативными хомьяками. Не толкал ли их на улицу тот невидимый процесс, симптомы которого мы обсуждали сегодня? Сдается, что это так и есть. А значит, к этой теме нам еще придется вернуться.

Андрей Сверчков,
Юлия Крижанская

Рис. 4. Численность студентов в учреждениях (в т. ч. негосударственных) высшего профессионального образования Российской Федерации, тыс. человек

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Тема нежити, живых мертвецов, вампиров особенно волнует западного зрителя. И пусть бы забавлялись этим сами, так ведь нет — обязательно надо тащить всю эту муть сюда

Колониальная культура

Герой американских комиксов по прозвищу Ястик (The Butcher)

15 февраля 2012 года в «Высшей школе экономики» прошел круглый стол на тему «Российская ментальность и вызовы времени», организованный фондом «Либеральная миссия». Поводом для дискуссии стала книга «Куда ведет кризис культуры?», выпущенная фондом в 2011 году.

Открывая обсуждение, культуролог Игорь Яковенко заявил: «Реально Россия сходит с исторической арены». Более того, свои ресурсы исчерпала и российская культура, которой «больше нечего предложить миру». А 16 марта 2012 года в «Новой газете» в своей статье «Что делать?» — по материалам круглого стола, Яковенко вновь рассуждал о том, что «можно сделать для трансформации культуры, критически неадекватной вызовам времени».

Напомним, что разговоры об изменении ментальности и необходимости социокультурных трансформаций начал еще лет двадцать назад советник Ельцина А.Ракитов. Как бы продолжая эти разработки, Яковенко указывает, что модернизацию России надо начинать именно с изменения «культурного комплекса» страны: «Как утверждают специалисты, характер человека формируется к трем-шести годам. Базовые ориентации личности формируются к шестнадцати-восемнадцати...»

Таким образом, для того, чтобы сменить ментальность, необходимо радикально трансформировать культурную реальность, которая открывает входящему в жизнь человеку. Далее, устойчивая смена ментальности требует нарушения межпоколенческой преемственности базовых оснований культуры».

Иначе говоря, нужно отделить поколение родителей от поколения детей: по утверждению культуролога, «необходима сознательная стратегия разделения общества на людей вчерашних и сегодняшних». И далее «стратегия трансформации должна включать в себя первосортность утверждаемого и второсортность изживаемого».

Как метод Яковенко предлагает «выход из гетто русского языка». «Английский — должен обязательно преподаваться в школе», «необходим один англоязычный канал национального телевидения. Англоязычные фильмы не переводятся, а титрируются. Практика показа детям мультфильмов по-английски и т. д.»

Вам, читатели, это ничего не напоминает? Именно так вели себя колонизаторы во все века и во всех колониях — заменяли автохтонный язык своим: документооборот, преподавание, религиозная служба, армия, медицина — всё и все должны были говорить на языке завоевателя. И уж, конечно, вся элита переходила на чуждый язык и начинала презирать родной.

Однако продолжим приводить авторские аргументы. Яковенко подыскивает пример: «Самый яркий пример — смена корпуса

востребованных аудиторией сказок в конце 60-х — 70-х годов прошлого века. Сказка играет роль базовой мифологической структуры... услышанные в детстве сказки участвуют в формировании матриц сознания.

В конце 60-х годов XX века на книжном рынке появились качественно новые детские сказки. «Муми-тролли» Т.Янссон, «Волшебник Изумрудного города» А.Волкова, книги о Мэри Поттер в переводах Б.Заходера пользовались бешеной популярностью... Дети, воспитанные на этой литературе, весело похоронили Советский Союз».

Короче, Яковенко предлагает всерьез взяться за детей: перестать рассказывать детям русские народные сказки, потому что «образ Иванушки-дурачка... губителен в стратегическом смысле для отечественной культуры». Школьникам также не надо читать и изучать русскую классику, потому что она препятствует «вхождению России в современный мир».

Потому ли распался СССР, что детям читали «Муми-троллей», — вопрос спорный, но то, что и сказки, и книги, и фильмы для детей действительно кардинально изменились, видно весьма отчетливо.

В советское время младшие дети росли на фильмах-сказках (например, «Варвара-краса длинная коса», «Снегурочка» и т. п.), школьники — на таких фильмах, как «Розыгрыш», «Вам и не снилось», «Доживем до понедельника». Это были фильмы и для детей, и для взрослых, в них обсуждались школьные проблемы, которые были близки и школьникам, и их родителям.

Теперь же в России для детей и подростков появляются эпатажные ленты новой волны: «Все умрут, а я останусь», «Школа», «Похороните меня за плинтусом». А еще и фильм «Сволочи», вызвавший бурю негодования культурной общественности. Но просто вне всякой конкуренции — фильмы про вампиров, которые в последнее время заполнили киноэкраны.

Тема нежити, живых мертвецов, вампиров особенно волнует западного зрителя. И дело, видимо, не только в том, что она щекочет нервы пресыщенного обывателя. Есть ощущение, что вампиры, зомби и прочая пакостная мистика задевает что-то потаенное в душе «цивилизованного человека», чем-то ему очень сродни. Ну и пусть бы, в конце концов, забавлялись этим сами, так ведь нет — обязательно (по закону культурного колониализма) надо тащить всю эту муть сюда.

Первый фильм про вампиров появился еще в 1922 году — «Носферату. Симфония ужасов» Фридриха Мурнау. Нельзя сказать, что в те годы тема пользовалась особой популярностью: в мировом кинопрокате прибавлялось по одному-двум фильмам в год. Главный конфликт в них заключался в противостоянии человека (героя) и вампира (антигероя), и еще до 90-х годов эти существа являли собой пусть обаятельную и притягательную внешне, но все же нечисть. К тому же нечисть, которая тяготеет своим отлучением от добра и света.

Даже в относительно недавних фильмах, таких как «Дракула» (1992 г.) или «Интервью с Вампиром» (1994 г.), где вампиров играли популярные актеры Киану Ривз и Том Круз, взаимоотношения «героев-вампиров» с миром и обществом были сложны и неоднозначны.

Но в последние годы пошел просто вал низкопробных фильмов о вампирах, в которых они наделены только превосходными качествами. И в них вопрос о том, что вампир — существо проклятое, ушел, испарился. Перед нами обаятельный, красивый, богатый герой, начисто лишенный рефлексии о своих отношениях с Богом и Творением.

Приведу яркий пример — сериал (!) «Сумерки. Сага» (2007–2011 гг.) повествует нам историю любви и взаимоотношений между оборотнем, вампиром и человеком. В фильме вампир — просто симпатичный юноша, который уже не пьет кровь людей, а пьет кровь животных. И ездит на роскошной машине, утреннее солнце его не убивает (как прежних кровососов), а всего лишь делает его

кожу серебристой. Какая прелесть! В общем, классные парни, воплощение мечтаний девушки-подростка!

Среднестатистический подросток пристраивается к жизни в выдуманных мирах, к отсутствию связи с действительностью, отсутствию морально-этических норм (какие у вампиров могут быть нормы?!). Со временем стирается грань между тем, что хорошо, что плохо, между добром и злом, возникает «привыкание» к жестокости и насилию. И уже не является соперничества к страданию другого существа.

Известны случаи, когда подростки в лесу перерезали выбранным жертвам (своим друзьям) горло и пили теплую кровь. Все это было подражанием вампирским повадкам, эти дети очень увлекались фильмами про вампиров.

В последнее время также невероятно популярной стала и тема зомби. На экраны кинотеатров по три, а то и по четыре раза в год выходят фильмы о зомби: «Обитель зла», «28 дней спустя», «Эпоха мертвых», «Паршивая овца» и т. д. Любимая тема таких фильмов — зомби-апокалипсис — один из вариантов конца света. Идея такова: из какой-то секретной лаборатории вырывается вирус, превращающий людей в зомби. Зомби начинают гоняться за обычными людьми, чтобы их съесть, грызть, рвать на части.

В сентябре 2012 года в Москве прошла акция, посвященная премьере сериала «Ходячие мертвецы» (3-й сезон). Для тех, кто лучше всех изобразит зомби, был заготовлен приз, и «победители» были-таки награждены.

В Нижнем Новгороде переодетые в зомби десятки молодых людей устроили массовую драку в центре города и жестоко избili двоих парней и их девушек. После того как один из пострадавших потерял сознание, «монстры» — скрылись.

Конечно, кроме фильмов ужасов существуют и другие причины агрессивного поведения детей и подростков. Здесь и неблагоприятные семейные и социальные условия, и отсутствие школьного воспитания, и «нерегулируемая улица». Но именно массовая культура с ее насилием и жестокостью зачастую является указующей путь директивой. Ужасики и фильмы про нечисть становятся спусковым крючком к агрессивному, неадекватному поведению детей и подростков.

Жестокость и нетерпимость подростков к своим сверстникам периодически демонстрируется в интернете. Участники драк выкладывают на ютубе ролики с избиениями, происходящими в школах: подростки бьют учителя, мальчики бьют мальчиков, девочки бьют девочек.

Еще одна раскрытая тема в молодежном кинематографе — фильмы про волшебников, главный среди которых, конечно же, «Гарри Поттер». После публикации в 1997 году первого романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень», книги этой серии приобрели огромную популярность (к 2011 году было продано 450 миллионов экземпляров!).

Рекламный постер фильма «Гарри Поттер и Дары Смерти»

По словам автора книги, главной темой ее романов является смерть: «Мои книги в основном о смерти. Они начинаются со смерти родителей Гарри. Или взять неотступное стремление Волан-де-Морта — покорить смерть. Бессмертие любой ценой — цель всякого, кто прикоснулся к магии». Магия и привлекала: множество детей хотели учиться в Школе магии «Хогвардс» вместе с Гарри

Поттером. Уже с первого фильма началась просто истерия на тему поттерианы и мода на мистику и волшебные палочки.

Российские психологи и педагоги достаточно быстро заговорили о чуждости этого произведения нашему менталитету. Поттериана не приносит пользы в развитии детей, а скорее вредит. Для английской традиции «свойственно свободное обращение с темными силами», а у наших детей по прочтении этих книг появляются «глубинные устойчивые страхи», да и обычные люди изображены в них пренебрежительно.

Психолог Ирина Медведева пишет: «В «Гарри Поттере» люди фигурируют где-то на обочине... как существа низшие по отношению к магам. Их даже людьми-то толком не называют, все больше простакими, простецами. Таким образом, ребенок отчуждается от людей. Мало того, что он опереживает главному герою-волшебнику, так еще и люди не заслуживают ни сочувствия, ни элементарного уважения».

Периодически ряд российских психологов и педагогов предлагает запретить книги о Гарри Поттере, но об этом даже речи быть не может. Первый и главный аргумент: серия фильмов о Гарри Поттере — одна из самых кассовых в истории мирового кинематографа. Последний фильм «Гарри Поттер и Дары Смерти» уже подбирается к миллиарду долларов в прокате.

Но главное, что следует отметить, — все современное кино про монстров, гоблинов, волшебников, вурдалаков и пр. создано не только для того, чтобы собирать кассу, удовлетворяя запрос на «щекотание нервов». Нет, тут речь действительно идет о трансформации культурного ядра. Причем бьют и по христианским основаниям, адресуя к любви и прощению, и по глубинным кодам, попадающим в мозг ребенка из семейных преданий, бабушкиных сказок и народных песен.

В русской сказке Иван-дурак — честный, искренний герой, на стороне которого добро и правда, а в современной жизни он — обыкновенный «лох»...

Не только современное кино и современная массовая литература эксплуатируют сюжеты в стиле «фэнтези» — гигантским отдельным миром, чуть ли не превосходящим по популярности (и доходности) «фабрику грез», стали компьютерные игры.

В мире виртуальных игр не нужно никаких переодетых, чтобы ребенок смог почувствовать себя Бэтменом, Человеком-пауком или Роботом-трансформером. И вместе с ними начать войну. В большинстве игр проблемы игрока-героя решаются с помощью меткой стрельбы и грубой силы. Например, в играх-стрелялках герой должен убивать всех, кто попадает на его пути, за попадание в голову начисляются дополнительные очки. Так игра становится программированием детской психики на убийство, навыки убийства доводятся до автоматизма, а применяются все эти навыки уже в жизни.

В июле 2012 года в Петербурге 17-летний подросток нанес своей матери ножевые ранения после замечания о том, что он слишком играет в компьютерные игры. Волгоградский подросток зарубил мать топором, после того как она отказалась отдать в починку сломавшийся компьютер, на котором он играл. Известны случаи, когда дети убивают мать или отца, а затем продолжают игру, многие даже не раскаиваются в совершенном.

После выступлений таких культурологов, как Яковенко, вновь и вновь приходится убеждаться: всё, что сегодня происходит в нашей культуре, происходит не спонтанно, не самой собой и даже не вследствие стремления заработать как можно больше денег. Нет, все происходящее является осознанными действиями по изменению (трансформации) русского менталитета.

И этой трансформации, которая очень похожа на колонизацию, мы должны сопротивляться всеми возможными способами.

Марина Волчкова

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Нет и не может быть ни одного родителя, который смог бы просочиться сквозь уже изготовленные и ныне плетущиеся сети ювенальной системы

Практикум по ювенальной юстиции

Предназначенная для уничтожения российского населения система ювенальной юстиции (ЮЮ) — явление тотальное. Дорогие читатели! Родители вы или бабушки и дедушки, братья и сестры, помните! Нет и не может быть ни одного родителя, который смог бы просочиться сквозь уже изготовленные и ныне плетущиеся сети ювенальной системы. Которая включает в себя регламентации, методички, законодательные акты, суды, отечественные и зарубежные фонды, «Озоны» и т.д. и т.п.

Неважно, что не все они еще узаконены и не могут пока работать в полную силу. Они создаются, и они уже работают.

В предыдущей статье мы писали о ползучем внедрении ЮЮ в регионах России. Сегодня поговорим о столице. Москва — п. определению, законодатель, а в этой сфере — несомненно.

РЕГЛАМЕНТ

Прежде всего, говоря о практике внедрения ювенальной юстиции в Москве, остановимся на следующем потрясающем документе под названием «Регламент межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с неблагополучными семьями, находящимися в социально-опасном положении (трудной жизненной ситуации)». Утвержден документ был 18 ноября 2010 г. (протоколом № 02–10 заседания Московской городской межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) под руководством заместителя мэра Москвы Людмилы Швецово. И начал действовать с 1 января 2011.

Отметим интересную вещь: после подписания этого документа Л. Швецова очень быстро продвинулась по властной лестнице. Мы не можем доказать связь этих событий. Но судите сами: 4 декабря 2011 года она была избрана депутатом Госдумы VI созыва от «ЕР». 12 декабря 2011г. мэром Собяниным отправлена в отставку в связи с переходом на работу в Госдуму, где сразу была назначена вице-спикером. В настоящее время в должности заместителя Председателя ГД она курирует Комитет ГД по труду, социальной политике и делам ветеранов, Комитет ГД по образованию, Комитет ГД по вопросам семьи, женщин и детей, Комитет ГД по культуре и Комитет ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций.

Но вернемся к регламенту. Московский регламент, являясь тщательно разработанной нормативной базой ювенальной юстиции в отсутствие (и в ожидании) федеральных законов о патронате, тут же стал образцом для создания подобных же регламентов в разных регионах и городах России. И, по существу, практическим руководством к действию (например, в Липецке, Челябинске и т.п.).

Заявленной целью внедрения Регламента является своевременное выявление и непрерывное сопровождение каждого нуждающегося в помощи государства ребенка всеми учреждениями государственной системы, включая профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Работа по сопровождению и помощь ребенку из криминогенных семей объяснима и целесообразна. Однако как отложенный до весны законопроект по патронату, так и данный Регламент не ограничивается распространением контроля на такие семьи, а наоборот, расширяет перечень оснований, необходимых для постановки неблагополучных семей на учет.

И речь идет не столько о своевременном, сколько о раннем выявлении. Этаким «встречный план»! Но в советское время встречные планы были направлены на производственное созидание, а не на духовное разрушение.

Опять возникает ситуация, подобная запуску кампании «Каждый пятый», навязанной нам Советом Европы. У них в Европе каждый пятый ребенок подвергается сексуальному насилию. У нас пока (пока не внедрена ЮЮ) и близко этого нет, но мы,

по строгому указанию и настоянию Совета Европы, также включились в эту кампанию (см. предыдущий номер газеты).

Для раннего выявления, для расширения перечня оснований в Регламенте вводятся следующие понятия:

1. «Семьи (дети), находящиеся в трудной жизненной ситуации» — это семьи социального неблагополучия разного рода. Критерии определения неблагополучия: отсутствие работы у родителей по месту жительства, неудовлетворительные жилищные условия, развод родителей, конфликтные ситуации в семье, отсутствие связи со школой, невнимание родителей к успеваемости ребенка и др. Мне кажется, что комментарии излишни. И если вы не нашли свою семью в этом списке, читайте дальше.
2. «Семьи, находящиеся в социально-опасном положении». Здесь критериями являются, в частности, неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей по жизнеобеспечению детей (отсутствие у детей необходимой одежды, регулярного питания, несоблюдение санитарно-гигиенических условий и др.)
3. Дети, «нуждающиеся в помощи государства». Это когда профилактическая работа может проводиться и с лицами, не указанными в перечне, через отдельное решение муниципалитета.

Очевидно, что введение такого рода новых понятий безгранично расширяет количество критериев, по которым можно ставить на учет семью и осуществлять в нее вмешательство. Прежде всего, по причине отсутствия «условий для воспитания детей» в семьях, находящихся в трудной жизненной ситуации. Отметим, что, по данным Росстата, около 80% семей с детьми в России имеют социально-экономические проблемы и относятся к числу бедных семей.

Для выполнения вышеуказанной глобальной задачи взятая под контроль практически любой российской семьи Регламент предлагает «консолидироваться» буквально всему обществу для защиты прав детей.

Впрочем, если нет общественной поддержки, то будет административная. Насколько задача это конституционна, вопрос отдельный — и конкретно-подробный, поэтому и рассматривать его придется отдельно. Что мы, надеюсь, в недалеком будущем сделаем.

Мы же обратимся к обычному читателю, к его здравому смыслу и, главное, к родительскому инстинкту. Как к почти единственной надежде.

Кому же Регламент предлагает консолидироваться?

Л.И.Швецова, вице-спикер Госдумы РФ, бывший первый вице-мэр Москвы

В разделе 4 «Субъекты взаимодействия» предложен список, который так велик, что приведение его полностью займет половину статьи. Поэтому коротко.

- Городская межведомственная, окружные и районные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП),
- Органы местного самоуправления,
- Учреждения здравоохранения (женские консультации, Центры планирования семьи и репродукции, роддома, дома ребенка, все виды поликлиник, больницы, травмпункты, наркологические, психоневрологические диспансеры и пр.).

Вот как Регламент, например, дает пояснение обязанностей участковых врачей и медсестер: «При обслуживании и сопровождении семей с детьми (послеродовый патронаж, вызовы на дом) выявлять наличие в семье неблагополучных социальных факторов, вести учет таких семей; при установлении факта трудной жизненной ситуации или социально-опасного положения в течение трёх суток передавать соответствующую информацию в районную КДН». И так подробно по всем участникам списка.

Далее:

- Образовательные учреждения (дошкольные, школьные, профобразования, коррекционные, допобразования, центры психолого-медико-социального сопровождения). Детсады, в свою очередь, помимо прочего обязаны организовывать «ежегодно в период с сентября по октябрь каждого года конкурс детского рисунка по теме «Я и моя семья». Итоги конкурса направляются в районную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту нахождения ДООУ до 10 ноября каждого года».

А пристрастные психологи комиссии, как вы понимаете, в детских рисунках обязательно найдут признаки сексуального насилия в семье. И мы славно поучаствуем в кампании «Каждый пятый».

И продолжение инструкции: «При выявлении признаков жестокого обращения родителей... незамедлительно (в течение трех часов) сообщать в органы опеки». Вот на днях в Петербурге из детского сада исчезла пятилетняя девочка — после того, как сообщила, что ее папа вчера шлепнул. И детсадовские работники, и опека действовали в соответствии с практикумом — Регламентом.

- Органы внутренних дел (подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН ОВД), участковые, криминальная полиция, патрульно-постовая служба),
- Территориальные подразделения Управления Федеральной миграционной службы,
- Территориальные органы исполнительной власти, районные учреждения, общественность (от управ районов до старших по подъезду),
- Учреждения Департамента социальной защиты населения города,
- Отделы ЗАГС г. Москвы,
- ГУ центры занятости населения административных округов города Москвы (ГУ ЦЗН АО города Москвы),
- Учреждения Департамента семейной и молодежной политики (Центры социальной помощи семье и детям, Межрайонные центры «Дети улиц», ГУВУ «Социальный приют для детей и подростков», Детский дом №19 «Центр патронатного воспитания», ГУ Специализированный дом ребенка №22, Московская служба психологической помощи населению).

В Регламенте строго расписаны не только те, кто должен выявлять и доносить, но и сроки (до дней и часов), в течение которых это должно делаться.

То есть, значительная часть российского общества, так или иначе, становится доносчиками и соучастниками ювенальной юстиции. В том числе — те, с кем вы лично знакомы: врачи, учителя, воспитатели, полицейские, чиновники управ и т.д. Понимают ли они это? Принимают? И как быть тем, кто не принимает? Одна из моих знакомых, сотрудник службы опеки, получив Рекомендацию, убрала их далеко в стол — поскольку ее собственная семейная ситуация четко соответствовала понятию семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации...

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ №18

Разбраковывая, таким образом, семью, Регламент ссылается в своих статьях на некие «Методические рекомендации №18 по профилактике жестокого обращения с детьми и насилия в семье».

Если Регламент можно найти в Интернете, то Методические рекомендации №18 — материалы для служебного пользования и «не подлежат тиражированию и распространению без соответствующего разрешения», как написано на их титульном листе.

Авторство рекомендаций не российское, в основном это компиляция из инструкций по выявлению жестокого обращения с детьми западноевропейских ювенальных служб. В них расписаны условия, препятствующие «нормальному воспитанию» и «нормальному развитию» ребёнка. А ведь именно эти не определяемые ни российским законодательством, ни обществом понятия, как мы помним, протаскиваются в законе о социальном патронате.

Подписаны же Методические рекомендации главным педиатром Комитета здравоохранения Правительства Москвы А. Г. Румянцевым ещё в 1999 г.(!). Но, как мы видим, эти подписанные Методические рекомендации терпеливо ждали (13 лет!) своего часа, не применялись, поскольку для этого не было соответствующей правовой нормативной базы.

Начало действия Регламента — 2011 год, затем Госдума должна была принять законы по ЮЮ (против которых мы боремся весь этот год). И тогда бы рекомендации заработали! Следует отдать должное тому, как долго, систематизировано и терпеливо готовится уничтожение наших семей!

Согласно этим Методическим рекомендациям, условиями, препятствующими нормальному воспитанию и нормальному развитию детей, являются: «психологическая жестокость», «моральная жестокость», «оставление ребёнка без внимания», а также «синдром неуточнённого жестокого обращения с ребёнком».

И что с того, что «психологический и моральный вред» не является в России правовым понятием и не может контролироваться (общественностью, государством и пр.)? Что с того, что, по мнению юристов, эти понятия субъективны, не поддаются контролю и оценке извне? Не говоря о том, что они примитивизируют право.

Подробнее о вводимых данными рекомендациями понятиях мы поговорим в следующей статье. В завершение только отметим, что все еще существующие сегодня и передающиеся семьей культурные нормы, православные традиции, советские ценности призывают уважать ближнего, быть терпимыми друг к другу, любить и прощать. Что это будет за семья? Если она еще до этого не будет уничтожена изъятием ребенка.

Вера Сорокина

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Сегодня историю России стремятся «вписать в мировую историю», настойчиво лишая ее «кода отдельности»

Вестернизация истории

9 декабря 2012 г. вице-премьер Д. Козак заявил о введении в России — после принятия закона об образовании — предварительной экспертизы перед выпуском в печать школьных учебников — в особенности, учебников по истории.

Какова будет экспертиза учебников, можно было понять из заявлений, прозвучавших на прошедшем 12–13 декабря Всероссийском съезде учителей истории. Председательствовал на съезде А. Чубарьян, являющийся заместителем С. Нарышкина в Российском историческом обществе («идеологической» инстанции, созданной взамен распущенной Комиссии по борьбе с фальсификацией истории); сам Нарышкин сидел в президиуме по его правую руку.

Во время съезда Чубарьян дал интервью, в котором рассказал о готовящемся к выходу в свет учебнике по дисциплине «Россия в мире». В рамках нового стандарта для старшеклассников, принятого весной этого года, предмет «Россия в мире» стал обязательным и базовым для каждого школьника. Странное название новой дисциплины сначала вызвало предположение о соединении в курсе истории и географии. Но, как объяснил теперь Чубарьян, название отражает особую направленность: «Курс «Россия в мире» основан на сравнении нашей истории и мировой истории. К примеру: модернизация в России и модернизация в других странах, культура в России — культура на Западе, революция в России — революция на Западе». По факту, тем самым, речь идет не о рассмотрении истории России в контексте мировой истории — того же Китая, Индии, Латинской Америки — но о вписывании ее (и, естественно, на правах отстающего) в историю Западного мира. Таким образом, базовый курс преподавания истории в школах станет курсом вестернизации русской истории.

Помимо данного заявления Чубарьяна, пресса сообщила о сделанном на съезде учителей истории заявлении директора одной из наиболее известных московских гимназий №109 Е. Ямбурга: «Наши учебники формируют культурный расизм».

Что такое «культурный расизм», можно понять из опубликованного накануне съезда учителей в «Новой газете» развернутого интервью с Ямбургом, бичевавшего преподавание в школах «культурного расизма, превозносящего этнические ценности». Ямбург поведал, что «государство-цивилизация», «каноническая территория», «Святая Русь» — все это «метафоры, закрепляющие код отдельности». Директор московской гимназии предложил избавиться от данного «кода отдельности», в том числе, в отношении к Великой Отечественной войне: следуя заповеди диссидента Г. Померанца, «отделить от тени кровавого деспота народные подвиги». А также осознать, что репрессивная машина в СССР «питалась одухотворением и энтузиазмом людей, готовых добровольно пойти на заклание». Нетрудно заметить, что под «добровольным закланием» понимается гибель за коммунистические идеалы, а под проклинаемым Ямбургом «кодом отдельности» (включающим образ «Святая Русь») — самобытность русской истории и русское мессианство.

Вписывание России в мировую историю пропагандируется в последнее время в прессе прямо-таки насадно. Не далее как 20 ноября Ю. Пивоваров заявил на «Финам.фм»: «Проблема не только России, а всех стран, развивающихся по внутренней логике, но не совпадающих общими мировыми трендами, общемировым каким-то психологическим, каким-то иным ситуациям — это всегда трагедия. ... Сталин исключил нас из мировой системы». (Ну, тут академик лжет — его собственная давняя идея состоит в том, что из мировой системы нас исключил еще отказ Александра Невского от союза с Папой, а также принятие «нехорошей» мессианской концепции «Москва-Третий Рим»).

Кстати, Пивоваров входит в Попечительский совет Фонда современной истории, основанного в целях «содействия развитию исторической науки» миллионером А. Клишасом. Главой Попечительского совета

Фонда является все тот же Нарышкин, руководителем научных проектов — С. Шахрай, бывший юрист Ельцина и председатель Правления «идеологического» Российского исторического общества.

Одним из первых шагов по «вписыванию России в мировую историю» стал недавно заявленный курс на героизацию Первой мировой войны. О восстановлении в правах этой «забытой войны» 4 декабря говорил латышскому изданию тот же Чубарьян. В послании президента 12 декабря был заявлен пункт о необходимости установления памятника солдатам Первой мировой. 14 декабря Госдума учредила День памяти погибших в Первой мировой войне.

Данный вопрос — принципиален. Первая мировая всегда была «Великой войной» для Запада, тогда как для России «Великой» войной является Великая Отечественная, для Запада таковой не являющаяся! Место «Великой» Первой мировой войны — войны иприта и бессмысленных жертв, оставившей огромное «потерянное поколение» и породившей в умах кризис, разрешившийся фашизмом, — в России была Великая Октябрьская социалистическая революция. Как-никак, создавшая общество, фашизм победившее... Искусственное возвышение истории Первой мировой войны, сопровождающееся неизбежными проклятиями Ленину за заключенный им Брестский мир, есть часть осуществляемой сегодня в России «получей десовитизации».

Параллельно обществу сегодня настойчиво навязывается и ревизия Великой Отечественной войны.

27 ноября литературной премией «Большая книга» была с шумом награждена военная повесть «Мой лейтенант» диссидента Д. Гранина (в перестройку изданный роман о сотрудничавшем с немцами советском генетике Тимофееве-Ресовском). Сквозная мысль повести: раскулаченные крестьяне не хотели воевать «за эту проклятую власть», и они были правы — ведь до сих пор в России ничего не изменилось, «то же бездорожье и клопы». Наивный молодой лейтенант Великой Отечественной (гранинское альтер-эго), «довольный, что погибнет коммунистом» (вариация на тему «добровольного заклания») в итоге... «порядком наскучивает» автору. Который заявляет, что второй раз он «не пошел бы в ополчение».

Новая книга Д.Гранина «Мой лейтенант» полностью оформлена работами художника-пропагандиста Третьего Рейха Г.Лиски. Фото с сайта tr40.nl

Интересно, что присужденная Гранину премия «Большая книга» учреждена Центром поддержки отечественной словесности. В учредителях Центра густо представлена ельцинская «семья»: «Альфа-банк» П. Авена, А. Мамут, Р. Абрамович, а также Фонд содействия кадетским корпусам им. А. Йордана (отца Б. Йордана). Ревизионистский настрой последнего, кстати, понятен: А. Йордан и его отец были во время Второй мировой войны офицерами югославского Русского охранного корпуса, созданного нацистами и свирепо расправлявшегося с партизанами.

Наиболее очевидным «осиным гнездом» ревизионистов является сегодня пресловутый

органкомитет «За вынос Ленина!». Тут собрались открытые власовцы, в том числе о. Рыбко, известный солидарностью с РПЦ3 по вопросу о реабилитации Власова — «настоящего патриота России». (Это линия о. Георгия Митрофанова, осмеливающегося называть День Победы «победобесием»).

Входящий в антиленинский оргкомитет глава «Агентства русской информации», нацдем В. Карабанов известен своим меркантильным выступлением 9 мая 2011 г.: «Если ты хочешь быть русским человеком, надо отбросить идейный хлам про «Великую победу»... Русский народ туп... Потомки кулаков, у которых отняли землю, пошли защищать родину... А надо было разбежаться».

Состоят в оргкомитете «За вынос Ленина!» и откровенные гитлеристы. Такие, как глава «Союза православных хоругвеносцев» и Ордена «Дракула» Л. Симонович-Никшич, поклонник Гитлера. Написавший в апреле 2002 г. в погромной газете «Эра России» о том, как Путин сидит за одним столом «с хасидами — вампирами, пьющими кровь христианских младенцев»: «Эх, Адольф Алоизович, Адольф Алоизович! Вот какие события происходят вокруг вашего Дня Рождения».

Присоединился к оргкомитету «За вынос Ленина!» и «помор» А. Михайлов, держатель сайта «Патриот Поморья» и сторонник «главного помора» Мосеева (отнюдь, кстати, не обделенного вниманием из-за рубежа — так, на проведенном в 2005 г. компанией «Форд» международном конкурсе среди 600 претендентов мосеевский словарь поморского языка получил первую премию). Михайлов — сепаратист-неонацист, осужденный три года назад за распространение неонацистской литературы, а этой осенью ставший членом архангельского комитета по выборам в Координационный Совет оппозиции.

10 декабря В. Путин высказал резко негативное отношение к выносу Ленина из Мавзолея, указав на связь Мавзолея с российскими историческими и религиозными традициями, такими как поклонение мощам святых. Но вряд ли на этом прекратится кампания «ползучей дегенерации», инициированная министром культуры В. Мединским и фондом «Возвращение», в ходе которой уже вовсю осуществляется смена советских исторических названий.

Поскольку активистами «Возвращения», помимо Мединского, являются члены редколлегии НТСовского «Посева» И. Чубайс

реализовать сопротивление самого антикоммунистического класса страны — крестьянства». И что образование в 1930 г. НТС стало-де именно ответом на раскулачивание.

Во время войны НТСовцы сотрудничали не только с Власовым, но и с А. Розенбергом, автором плана уничтожения и разделения народов России. Как рассказал в сентябре этого года на «Радио Свобода» свидетель событий, видный деятель НТС Г. Рар (отец политолога А. Рара), благодаря министерству Розенберга «протезируемая» лично его заместителем Брандтом газета «Новое слово» стала «убежищем» НТС в Берлине.

После войны отношение НТС к сепаратизму в России явно изменилось. Вместо довоенной формулы «Российская нация» НТС начал говорить о «народах России» и их правах на самоопределение.

Работа американских спецслужб на расчленение России и особенно принятие в 1959 г. Конгрессом США Закона об освобожденных народах, среди которых не было русского, возмутило многих в эмиграции. Тем более что автор Закона Добрянский без обиняков говорил прессе, что в СССР «100 миллионов нерусских борются за свое освобождение против 100 миллионов великороссов». Но НТС, однако, продолжал оставаться основным получателем американских субсидий на борьбу на территории СССР.

Подлинными русскими при этом НТС называл Россию не советскую, а «Другую», эмигрантскую. Отсюда термин «Две России», закрепленный в названии учебника НТС по истории. Авторханов писал: «НТС есть борющаяся с тиранией другая Россия». (Заметим, кстати, неслучайную, видимо, идентичность данного специфического термина с названием возникшего в 2006 г. первого объединения «несогласных» «Другая Россия».)

Советские и постсоветские люди воспринимались НТС в розенберговском стиле — как «народ-раб», десятилетиями добровольно соглашавшийся пребывать в «советском падении». Как заявил НТСовец А. Зубов (автор исторического двухтомника) в 2001 г. на «Радио Свобода»: «А вот теперь приходит вновь вся эта иная Россия, эмигрантская Россия, но ее воспринимает-то люди с совершенно исковерканными душами. Главное, что исковерканными не кем-то извне, а добровольно коверкавшими сами себя... Вся русская эмиграция их обвиняет самим фактом своего существования: вот она, другая Россия».

и С. Волков, необходимо сказать несколько слов про идеи НТС.

Идеология НТС представляет собой вариант фашистского солидаризма (вне его расовой составляющей). Путем России НТС полагает следование в русле достижений Запада, направленных духом корпоративизма.

Тема антикоммунизма кулаков, вводимая сегодня нацдемами и диссидентами, для НТС крайне важна. Так, А. Авторханов (чеченский коллаборационист времен Великой Отечественной, ставший в 90-е духовным отцом Д. Дудаева) заявил в своей статье, опубликованной в 1985 г. в «Посеве» в качестве послесловия к сборнику программ НТС, что «коллективизацией Сталин стремился на-

ция их обвиняет самим фактом своего существования: вот она, другая Россия».

Сегодня историю России стремятся «вписать в мировую историю», настойчиво лишая ее «кода отдельности». Как и в случае «вступления в мировую цивилизацию» (ВТО и пр.), список навязываемых при этом уступок не только унижает, но и губит. Это и постепенная десовитизация... И ревизия двух мировых войн... И, естественно, страна, сменившая статус страны-победительницы фашизма на статус «добровольной жертвы тирана», не сохранит и своего места в СБ ООН... Роль добровольного раба — вот все, что ей уготовано.

Ирина Кургиян

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

США взяли чрезвычайно высокий темп своей кампании по трансформации Сирии. И не допускают в этой кампании никаких пауз, только наращивая напряжение

Сирийский колокол — 2

Градус международного напряжения вокруг Сирии повышается с каждым днем. В прошлом выпуске нашей газеты мы обсуждали сирийскую политику Запада, который раскручивает большой мироустроительный конфликт в ближневосточном регионе. Тогда мы находились накануне события, которое можно считать рубежом в проведении западного курса на уничтожение режима в Дамаске.

Теперь рубеж перейден, а западная кампания переходит в новую фазу. Признание Вашингтоном «Национальной коалиции сил сирийской революции» состоялось. Оно состоялось и в Марракеше, на встрече группы «стран-друзей сирийского народа», и в США на высшем уровне. В интервью телекомпании ABC 12 декабря Обама объявил всему миру, что США признали «Национальную коалицию сил сирийской революции» законной властью в Сирии, представляющей волю сирийского народа.

Сейчас США взяли чрезвычайно высокий темп своей кампании по трансформации Сирии. И после проведенного ими реформирования объединенного органа сирийской оппозиции не допускают в этой кампании никаких пауз, только наращивая напряжение. Причем мероприятия проводятся параллельно, в очень плотном графике.

Одновременно с формированием политического объединения сирийской оппозиции Запад проводит и формирование их объединенных военных структур. 7 декабря 2012 года в турецкой Анталии прошла встреча представителей воюющих группировок сирийской оппозиции. Встреча была подготовлена представителями Катара и Турции при существенном участии представителей органов безопасности США, Великобритании и Франции. На этой встрече сформировано так называемое объединенное командование оппозиционных вооруженных формирований. Именно это командование теперь должно стать единым руководящим органом самых крупных группировок и центром планирования боевых действий оппозиции в Сирии.

Уже известно, что в «объединенное командование» входят 30 представителей группировок. Причем 2/3 из них представляют именно исламистские группировки, связанные либо с «Братьями-мусульманами», либо с салафитами. Такое открытое западное покровительство вооруженным фундаменталистам, конечно, будет предметом для упреков со стороны противников США, но сейчас уже не до политкорректности. Ведь на кону стоит контроль над сирийским процессом.

А специфика ближневосточной ситуации в том, что политической неудача Запада в каждой следующей разрушаемой стране обязательно начала бы включать сопротивление и во всех предыдущих странах-жертвах. Все более явные сигналы тревоги по поводу неустойчивости положения американских ставленников исходят, например, из постреволюционного Египта, где постоянно растет антиамериканизм и уровень нестабильности. А на неустойчивость Египта, без сомнения, оказывает влияние пробуксовывание оппозиции в Сирии.

Весь ближневосточный процесс с самого начала «арабской весны» устроен таким образом, что в нем Западом делается ставка именно на «сухой счет» в свою пользу (то есть на неизбежность падения негодных режимов в течение не слишком растянутого срока). И пока эта ставка не подводила.

Все это означает, что Западу остро необходимо форсировать перелом сирийской ситуации. И меры этого форсирования — именно комплексные.

Срочное военно-политическое оформление рыхлой сирийской оппозиции сопровождается массовой кампанией в западных СМИ, направленной на деморализацию сопротивляющегося Дамаска.

9 декабря в газете Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung вышло интервью главы БНД Герхарда Шиндлера. В нем глава германской разведки заявил, что правление Башара Асада в Сирии близится к концу, и что он теряет контроль над территорией страны. Вскоре Германия выслала из страны группу сотрудников сирийской дипмиссии.

Высказывание главы БНД — продолжение западной линии давления, начатой еще месяц назад. Тогда премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, находясь в турне по Ближнему Востоку, заявил в интервью каналу «Аль-Арабия» по поводу Асада: «Что угодно, ... чтобы убрать этого человека из страны и обеспечить спокойную трансформацию в Сирии. Я, разумеется, не предлагаю ему бежать в Великобританию, но если он захочет уехать, он сможет это сделать, это можно организовать».

Вежливая оскорбительность этого предложения ясна каждому, кто помнит судьбу Муаммара Каддафи. Асад тут же ответил Кэмерону с понятной сдержанностью: «Я не марионетка Запада, чтобы ехать на Запад или еще куда-то. Я сириец, рожден в Сирии и должен жить и умереть в Сирии». Вряд ли за прошедший месяц его взгляд на жизнь сильно изменился. Но обращает на себя внимание уровень скоординированности действий высоких лиц из ряда западных стран, участвующих в информационной травле Башара Асада.

Существенная роль в информационной кампании против Дамаска принадлежит британским СМИ. Так, издание «Санди таймс» рассказывает, что в настоящее время США впервые приступили к подпольной операции передачи оружия сирийским оппозиционерам. И что через дружественные ближневосточные страны сирийской оппозиции будут переправляться минометы, переносные ракетные комплексы и противотанковые ракеты. Часть оружия, по данным «Санди таймс», США уже закупили у Ливии. Речь идет об оружии из захваченного арсенала Муаммара Каддафи.

Правда, госдепартамент в настоящее время опровергает появляющиеся в разных СМИ сведения такого рода. Но чтобы психологически давить, нет необходимости доказывать. Кроме того, все и так понимают, что военная помощь сирийской оппозиции пока что идет не напрямую с Запада, а через арабские страны. И формы этой помощи все более вопиющи. Иракские СМИ, например, сообщили недавно, что арабские страны Персидского залива отправили в Сирию 3 тысячи 700 приговоренных к смертной казни (!) для «искупления вины». То есть, если без высоких слов, собрали самых жестоких своих преступников и массово переслали в чужое государство для проведения там расправ. Этот факт из числа тех, которые следует заучивать наизусть в странах, имеющих основания считать, что они следующие в очереди после Сирии. А РФ, безусловно, одна из таких стран.

Но все-таки надо отдать должное Западу и его арабским союзникам: в сторону Сирии они подтягивают не только уголовников. В начале декабря достоянием общественности на Ближнем Востоке становится информация о том, что в Ирак введены около 3 тысяч американских военнослужащих. А еще 17 тысяч военнослужащих США находятся в Кувейте и могут быть в дальнейшем перемещены в Ирак. В ближневосточном регионе эти перемещения оценивают однозначно. Иранские СМИ, например, прямо указывают, что это происходит «в тесной связи с ситуацией в Сирии и Иране».

Тем временем информационное давление не прерывается ни на один день. 11 декабря британская «Индепендент» написала, со ссылкой на информированные источники в британском руководстве, что странами Запада уже разработан план по вмешательству в сирийский конфликт. И что принят этот план был на некоем секретном совещании в Лондоне с участием США, Турции, Франции, Катара, ОАЭ и Иордании. По этому плану, утверждает «Индепендент», наступление оппозиции на Дамаск должно быть поддержано военным участием других государств. План предполагает поддержку оппозиции ВВС и ВМС пока еще не названных государств. Вывод один: международная операция против сирийских войск неизбежна и вовсю готовится.

Кроме того, газета намекает, что Россия изменила отношение к сирийской проблеме и сдвинулась в сторону признания необхо-

димости смены режима. Такие провокационные намеки и подталкивания России в нужную США сторону производятся на Западе не первый раз за последние месяцы. Буквально только что МИД РФ был вынужден опровергать представителя госдепартамента Викторию Нуланд, которая сказала: «Мы хотим похвалить российское правительство за то, что оно, наконец, вернулось к реальности и признало, что дни режима (в Дамаске) сочтены». В ответ МИД РФ официально сообщил, что российская позиция не менялась и никаких заявлений о ее смене не звучало. А эта позиция формулируется четко: необходимость межсирийского диалога и недопустимость иностранного вмешательства.

Совсем недавно, 9 декабря, глава МИД РФ С. Лавров заявил на «круглом столе» «Россия и меняющийся мир»: «Мы не допустим, чтобы ливийский опыт был воспроизведен в Сирии». Заявление жесткое и правильное, хотя, конечно, будет очень трудно выполнить налагаемые им на нас обязательства.

Кроме того, Лавров подчеркнул, что западные партнеры России «отошли от женевакских договоренностей и добиваются ухода Башара Асада». Позиция Лаврова такова: «Мы никаких переговоров о судьбе Асада не ведем. И все попытки представить дело иным образом достаточно нечистоплотны». Странно было бы утверждать иное главе внешнеполитического ведомства, которое настаивает на необходимости выработки общего решения именно сирийским народом.

Между тем, 12 декабря по сирийской проблеме прозвучало одновременно три заявления. Первым стало уже названное выступление президента США Барака Обамы.

Вторым является немедленный отклик на слова Обамы главы МИД РФ Сергея Лаврова, который заявил, что признание сирийской оппозиционной коалиции единственным легитимным представителем Сирии противоречит международным договоренностям.

А третье — это заявление главы самой этой оппозиционной коалиции Ахмеда Муазы аль-Хатиба, сделанное в Марракеше на встрече группы «друзей сирийского народа». По мнению лидера коалиции, «все мировое сообщество, в том числе и Россия, ответственно за возможное использование химического оружия в Сирии». В общем, виноваты все, кроме сирийской оппозиции, а Россия в особенности.

Причиной этого давления на Россию является в первую очередь вето, наложенное РФ и Китаем на резолюцию ООН по Сирии, где предусматривались санкции против Дамаска в случае подавления им оппозиции. Помимо этого, Россия также вела переговоры с представителями сирийской оппозиции. Эти переговоры не могли стать полномасштабной альтернативой строительству проамериканской оппозиционной коалиции. Но, тем не менее, они подчеркнуто происходили в русле решений ООН, то есть демонстрировали приверженность России международному праву.

С. Лавров настойчиво обозначал, в чем разница между западным и российским подходом к сирийской проблеме: «В Сирии нужно прекратить подстрекать оппозицию к отказу от диалога и к вооруженной борьбе. Именно этим занимаются наши западные партнеры». Глава МИД РФ подчеркивал при этом, что Россия является сторонницей женевакского плана, то есть проведения межсирийских переговоров. Именно в рамках такого плана МИД России вел диалог с представителями сирийской оппозиции.

29 ноября С. Лавров принял делегацию сирийской «Национального координационного комитета». Эта структура имеет значительное число сторонников в Дамаске, Алеппо, Думе и южной области Хоран, но находится в конфликте с проамериканской оппозиционной коалицией. Позиция комитета, разумеется, достаточно непримирима и по отношению к режиму в Дамаске. И все же есть принципиальное различие между мнением этих представителей и мнением тех, на кого опираются на Западе.

Жители Дамаска приветствуют российскую делегацию. Февраль 2012 г.

Так, например, на последнем, ноябрьском, съезде «Сирийского национального совета», вошедшего в проамериканскую оппозиционную коалицию, лидером этого совета был избран проживающий в Турции Жорж Сабра. Этот новый лидер является убежденным сторонником военной интервенции арабских стран в Сирию. А координатор «Национального координационного комитета» за рубежом Хейсам Манаа, приезжавший в Москву, — напротив, заявляет: «Нас хотят оккупировать. Мы будем делать упор на связи с Россией и Китаем, которые не дадут это сделать». ... Что касается очередных «единственных законных представителей», то пусть это решает сирийский народ, а не Вашингтон, Анкара или Доха. Все, что касается Сирии, должно решаться внутри страны».

Таким образом, очевидно, что Россия пока что прилагает усилия к тому, чтобы не дать пристегнуть себя к западному процессу объединения оппозиции, явно нацеленному на военное развитие сирийского конфликта в интересах США. Причем роль, которую западные страны настойчиво предлагают России, совсем уж неблагоприятна: рекомендуется уговорить сирийских партнеров России сдаться на милость победителя.

На фоне этого растущего давления Россия проводит свою линию, ориентируясь на решения ООН и настаивая на невоенных средствах разрешения конфликта. Эта линия РФ наверняка будет раздавлена катком политики США и их сателлитов, если не получит весомой поддержки других влиятельных стран-членов ООН.

То, куда повернет теперь течение мироустроительного конфликта, центром которого стала Сирия, существенно зависит от взаимопонимания, которого Россия сумеет добиться в отношениях со своими союзниками по сирийскому вопросу, прежде всего — с Ираном и КНР. Цена этого взаимопонимания сейчас высока как никогда ранее.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Концепты постмодернизма. Часть II. Деконструкция

Концептуализация Не-Бытия

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
У. Шекспир. «Гамлет»

Человечество застали врасплох. Оно слишком привыкло к тому, что атаковать можно Берлин или Сталинград. На худой конец, чью-то линию обороны. Но не какую-то там онтологию. Но в том-то и беда, что уже к середине XX века онтологию (то есть бытие вещей, символов, идей и т. д.) можно атаковать так же, как линию Мажино или Брестскую крепость.

Б. Зеленский. Постер к фильму «Гамлет»
реж. Г. Козинцева, 1964 г.

Концептуальная война — не выдумка. Человечество еще не научилось распознавать атаки врага на такие «нематериальные объекты», уничтожение которых впоследствии оборачивается колоссальными издержками для рода человеческого. А также для отдельных входящих в него народов. Природу катастрофы, в результате которой мы потеряли СССР, нельзя понять, не научившись распознавать атаки на, казалось бы, столь далекие от реальности объекты, как онтология.

В предыдущей статье мы уже говорили об атаке постмодернизма на онтологию. Мы говорили о том, что, осуществляя эту концептуальную спецоперацию, постмодернизм убеждает своих адептов отказаться от того самого «бытия», которое мучительно осмысливал Гамлет.

Философы много говорили о «фаустианском человечестве», то есть о человечестве, стремящемся к научному постижению всего и вся. Но ведь можно ввести и понятие «гамлетическое человечество», назвав таковым человечество, для которого есть и понятие «быть», и понятие «не быть».

Бытие — это не быт. Это определенное отношение человека к миру. Вторгаясь в мир, испытывая его, терзая его своими научными экспериментами, человечество говорит миру: «Я понимаю, что ты есть, и что ты содержишь в себе великие тайны. Я существую для того, чтобы эти тайны из тебя извлечь. Я понимаю, что ты не хочешь их мне отдавать. Что ты сопротивляешься. Но я преодолею твоё сопротивление и добуду эти великие тайны, потому что я — человечество».

Постмодернист, усмехаясь, спрашивает: «А кто вам говорит, что мир есть? Что он обладает этим самым бытием? Что он содержит в себе искомое? Это вы, наверное, из Книги Бытия почерпнули? Опомнитесь! Мы с вами находимся в совершенно иной ситуации, нежели те, кто ориентировался на эту самую Книгу Бытия. На наших глазах потеряло право утверждать свою сопричастность бытию очень и очень многое. И кто вам сказал, что в итоге все не потеряет сопричастность бытию? А если все потеряет сопричастность бытию, то что такое бытие? И чем оно отличается от небытия?»

Этот ваш Гамлет жил в совсем другое время. Для него еще была четкая грань между «быть» и «не быть». Он еще верил в «быть», и потому выходил на бой с Фортинбрасом, клялся отомстить за отца, переживал по поводу своей любви к Офелии и так далее. Но мы же понимаем, что это все архаика. Что если на наших глазах статус «быть» теряет очень и очень многое, то это происходит не по причине иллюзорности «очень и очень многого», а по причине иллюзорности самого этого «быть».

Нет никакого «быть», понимаете! Есть только вещи и идеи. Вещи вступают в опре-

деленные отношения с идеями. Отношения между идеями и вещами могут меняться. Эти изменчивые отношения спутываются в какой-то зыбкий клубок. Внутри клубка все пребывает в состоянии, промежуточном между «быть» или «не быть». То, что сегодня обладает статусом «быть», завтра обладает статусом «не быть», и наоборот.

Постоянно меняется все. Не только отношения между вещами и идеями, но и принципы функционирования того, что мы именуем «вещами» и «идеями». Если хотите называть бытием это клубящееся лукавое нечто, пребывающее в состоянии фундаментальной неустойчивости, сотканное из сомнительности и изменчивости, — ваше право. Но признайте, что именно это, клубящееся и содержащее в себе фундаментальную неопределенность, вы называете бытием. Это — и не что другое. Откажитесь от других представлений о великом бытии, содержащем в себе ответы на ваши мучительные вопросы. Выкиньте на помойку не только «Фауста», но и «Гамлета». И тогда мы вас причислим к числу тех немногих, кто вырвался из позорного капкана архаики».

Выслушав что-то подобное, вы соглашаетесь на такую онтологическую капитуляцию во имя приобщения к тем избранным, кто не прикован к архаике.

Тогда вам говорят: «А почему вы так держитесь за зыбкий клубок, в котором якобы все же обитает остаточная бытийственность? Разве есть в нашем с вами распоряжении что-то, кроме языка? Давайте расковыряем все то, что называется «не язык». И мы увидим, что это в каком-то смысле тоже язык».

А значит, все — язык. А значит, в этом зыбком клубке нет ничего, кроме текстов. Это архаическому Гамлету казалось, что есть определенное бытие и столь же определенное небытие. Но мы-то с вами согласились отбросить это архаическое заблуждение и признали, что бытие — это зыбкий клубок неопределенности. Давайте теперь согласимся и с тем, что невероятно подвижное, коварное и изменчивое нечто, из которого состоит этот клубок, представляет собой просто совокупность текстов — и ничего более. Лишь если вы согласитесь и с этим, вы выберетесь из капкана архаики окончательно».

Вы соглашаетесь и с этим? И тогда выбираетесь вовсе не из капкана архаики. Вы покидаете территорию модерна и премодерна. Потому что и модерн, и премодерн отказывались приравнять ткань, из которой соткано бытие, к совокупности текстов. Люди модерна и премодерна понимали, что такое приравнивание имеет далеко идущие последствия. Что существование культуры, противостоящей природе, возможно только тогда, когда у природы есть онтологический статус.

А если его нет, то нет ни природы, ни культуры. Нет ничего.

А значит, отказавшись от онтологии, вы вырываетесь не из капкана архаики. Вы вырываетесь из капкана человечности, которую постмодернист называет архаикой. А вырвавшись из этого капкана, вы попадаете на территорию Ничто. Оказавшись же на этой территории, вы абсолютно беспомощны. Потому что вы соблазненный человек, а тот, кто вас заманил на эту территорию, — это нелюдь. И нелюдь будет разбираться с вами, как с человеком, — сообразно ее, нелюди, очень конкретному интересу. Который существует отдельно от проблемы онтологии. И к этой проблеме не имеет никакого отношения.

Нелюдь не интересуется, существует ли бытие. Или, точнее, она знает, что бытие существует. И ее задача — забрать у вас ваше бытие. Забрав же, усмехнуться: «Ох уж мне эти совки, с их страхом оказаться чересчур архаичными!»

Если бытие существует, то весь ваш опыт — как личный, так и всечеловеческий — это отражение или проявление испытываемого вами бытия. Вы ведете с бытием диалог. Заставляете его отвечать на ваши вопросы. Оно отвечает. При этом иногда лжет, иногда не договаривает. Вы все это записываете. Ваши записи — это и есть тексты. Таким образом, в сфере языка находятся ответы бытия на ваши вопросы, но не само бытие.

Если же бытия нет, а есть только тексты, то грош им цена. Ибо вы разговариваете не с бытием, а с самим собой. Существует совершенно полноправная аналогия между диалогом с бытием и полноценным половым актом. С древнейших времен это называется соитием. Коль скоро эта аналогия существует, то совершенно ясно, чем именно заменяется соитие в случае отсутствия бытия. Оно заменяется онанизмом. Постмодернизм предлагает эту замену и называет ее «освобождением от архаики». От архаики? Премодерн и модерн — это архаика?

Но предположим, что постмодернизм освобождает вас не от архаики, а от премодерна и модерна. Но только ли от них? И во имя чего он вас освобождает от них? Во имя восхождения на какую новую ступень постижения... чего? Чего-то, лишнего бытийственности и сотканного из чистой текстуральности.

Тогда, если бытия вообще нет, то ваши тексты создают суррогат бытия. Лишаясь возможности говорить с бытием, вы приобретаете другую возможность — творить суррогат бытия, вкладывая свою лепту в сотворение клубка из самодостаточной болтовни. Она же пантекстуальность.

У вас нет реальности. Но зато вы можете творить ее суррогат. И называть этот суррогат реальностью.

Постмодернистский враг, атакующий ваше бытие, побуждает вас признать (как я много раз уже говорил, во имя преодоления архаики), что все, имевшее и имеющее место, в том числе природа и история человечества, а также жизнь человечества вообще, культурное и научное творчество, — это всего лишь «текстика».

Далее вы должны признать, что «нет ничего вне текста».

А затем утверждается, что этот текст (в том числе, любое выраженное в человеческих творениях знание, включая написанное) требует понимающей расшифровки/интерпретации. И что только эта интерпретация и выявляет, и творит единственную реальность, которая скрыта за текстом, на краях («в маргиналиях») текста. А также вокруг текста — в «интертексте» (во всех контекстах, в которые возможно поместить этот текст).

Но что такое постмодернистская интерпретация? Это ЛЮБЫЕ поиски/нахождения в тексте «скрытых» смыслов, которые, как правило, и не собирался высказывать (и даже, в отличие от постмодернистского интерпретатора, не подозревал, не видел) автор текста.

Создатель понятия «деконструкция» Жак Деррида утверждал, что смысл конструируется только в процессе прочтения

текста. Автор же текста всегда выступает «репрессивной инстанцией», которая навязывает смыслы читателю. Поэтому при прочтении текста требуется его деконструкция — провокационные операции с текстом и вокруг текста, которые «расковыряют мысль» и тем самым освобождают смыслы, которые скрываются в тексте и не контролируются автором.

Один из «инструментов», которые для этого предлагает Деррида, — так называемый метод черенков и прививок. Суть метода — в произвольном расчленении авторского текста и «прививке» к его фрагментам/обрывкам столь же произвольно выбранных «деконструктором» обрывков («черенков») других текстов, в том числе не имеющих никакого отношения к данному тексту.

То есть концепт деконструкции предлагает в отношении любого текста любого автора следующие операции:

- выскидывать (или предполагать) в каком-либо фрагменте авторского текста скрытый (подавленный автором) боковой, маргинальный смысл;
- выскидывать аналогичный (или возникающий по ассоциации) смысл во фрагментах других текстов (в том числе других авторов);
- «означивать» интерпретируемые тексты. То есть соединять выявленные/выдуманные смысловые акценты разных текстов в собственную смысловую «конструкцию прочтения».

При этом «деконструктор» в своих новых конструкциях либо просто говорит о чем-то, не имеющем отношения к смыслам, вложенным авторами в их тексты, либо заставляет авторов говорить что-то совершенно другое. В том числе, строго обратное тому, что они сами сказали в своих текстах. И потому постмодернизм заявляет о «смерти Автора».

По сути, такой же подход к чужим текстам использовали и другие «классики» постмодернизма.

Наиболее ярко это, видимо, выразил Жиль Делёз, описывая свой подход к расшифровке смысла философских текстов: «Я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который притом оказался бы еще и чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить».

Позже Делёз, обсуждая интерпретацию текстов в рамках концепта деконструкции, написал: «Занимаясь историей философии, вполне можно мыслить бордатого Гегеля, безбордого Маркса и усатую Джоконду».

При этом подчеркивается, что результат деконструкции нельзя воспринимать как нахождение некоего окончательного смысла. Это непрерывный и бесконечный процесс, исключающий обобщение и подведение какого-либо смыслового итога.

Вы тонете в болоте этого самодостаточного бессмыслия, а постмодернистские кикиморы, которые завели вас в это болото, хихикают: «Ведь вы же хотели преодолеть архаику и согласились ради этого отказаться от онтологии, от модерна и премодерна, от несамодостаточной текстуральности! Вы уже отказались от Автора как инстанции, создающей тексты. Теперь отказывайтесь еще и от смысла!»

Но и отказавшись от смысла, вы еще не осуществляете полной капитуляции перед постмодернистским врагом. Потому что враг атакует не только онтологию, предыдущие форматы существования человечества, связь текста с авторством и наличие в тексте смысла. Взвзвывая штурмом эти крепости, враг продолжает развивать наступление.

Как именно? Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Почему историки и чиновники популяризируют и славят того, кто воевал на стороне фашистской Германии?

Возрождение казачества. Вопросы, на которые придется отвечать

Казачьи генералы Науменко и Шкурко
в 1-й казачьей дивизии.
Фото с сайта forum.kazakia.info

В предыдущих номерах нашей газеты уже рассматривался ряд элементов диффузной сепаратистской войны, которые можно объединить под условным названием «регионалистское краеведение».

Это такой особый тип «краеведения», при котором отдельная «история родного края», которая является неотъемлемой частью истории нашей страны, начинает странным образом «переосмысливаться». И в результате оказывается, что в России якобы давно существует некий «коренной народ». И что этот «коренной народ» имеет и собственную отдельную «богатую историю», и собственных «народных героев», которых якобы почитает часть местного населения. А потому этот народ вправе претендовать, как минимум, на «национально-культурную автономию», а лучше — на политическую автономию или даже на независимое государство.

При этом часть региональной элиты — иногда самостоятельно, а иногда и при поддержке из Федерального центра (или из-за рубежа) — под лозунгом «возрождения народных традиций» начинает использовать такой тип «краеведения» в своей политической игре.

Когда такие игры ведут люди, не обремененные властными полномочиями, то это можно остановить или придать этому конструктивное направление через мобилизацию общественного мнения, в крайнем случае, привлекая на помощь местный «административный ресурс».

Но когда в этом процессе участвуют представители региональной власти при нулевой реакции (или при поддержке) из Центра, то возникают не только проблемы, но и серьезные вопросы.

И мы хотим их задать.

Предварительно оговорим, что мы предельно положительно относимся к такому явлению нашей жизни, как возрождение казачества. Но — при одном условии. Возрождение традиций служилого казачьего сословия, содержащих в себе огромный державостроительный потенциал, должно быть направлено на благо Отечества. То есть, на укрепление территориальной целостности России, на поддержание международного мира, на борьбу с искажением и осквернением истории нашей страны.

И в данном случае, мы хотим поставить те вопросы, ответов на которые ждут и представители самого «казачьего сословия», и их потенциальные союзники в деле укрепления российского государства.

В предыдущей статье я уже обсуждал учредительный съезд «Казачьей партии Российской Федерации» (КпРФ), который состоялся 24 ноября 2012 года. Там, как мы помним, вице-губернатор Ростовской области С. Бондарев (возглавивший КпРФ) высказался по одному из ключевых вопросов, относительно которого среди казаков нет единого мнения. Так, С. Бондарев заявил, что КпРФ, созданная «для всех граждан России», не претендует на то, чтобы казаки были признаны «самостоятельным народом».

Но почему С. Бондарев так жестко зафиксировал свою позицию в этом вопросе? Потому что многие, увы, имеют диаметрально противоположное мнение.

Заявление лидера КпРФ являлось отголоском той дискуссии, в которую уже давно

вовлечены и сами казаки, и руководство регионов, тесно связанных с историей казачества.

Так, в «Казачью партию РФ» отказались вступать кубанцы.

Еще в октябре 2012 года на VI Всемирном конгрессе казаков в Новочеркасске атаман Кубанского казачьего войска Николай Долуда заявил: «*Перестав опираться на свою собственную идею — идею возрождения казачества как народа, идею казачьего братства и казачьего единства — казачество мгновенно окажется «размазанным» и очень скоро перестанет существовать вообще. Никаких партий нам не надо! У нас уже есть то, что превыше всех партий: казачья идея, казачий народ, казачье войско.*»

Итак, в октябре кубанский атаман агитировал: «*Даешь казачий народ!*».

А 8 декабря 2012 года в Москве прошла международная конференция «Казачество как фактор межнациональной стабильности», инициированная Межрегиональной общественной организацией «Кубанская казачья община» и казачьим журналом «Казарла». Более 400 участников мероприятия — представители региональных властей, казачьих организаций России и ряда стран ближнего зарубежья и Юго-Восточной Европы — уделили внимание таким спорным вопросам, как «*кто есть сегодня этнический казак?*»; «*каковы перспективы развития его народа?*»; «*чем отличается понятие «казак» от понятия «казачество»?*»; «*казачество — это сословие или народ?*».

Или сословие, или народ...

Дальше выясняется, что сословие невозможно, а значит — народ.

Атаман Кубанской казачьей общины г.Москвы Николай Ерёмичев в своем докладе пытался проанализировать, каковы итоги и дальнейшие перспективы «возрождения казачества»: «*Вот уже 22 года мы занимаемся возрождением. Только непонятно, что мы сейчас возродили. Потому что возродить то, что было... невозможно... Все территории казачьих войск находятся в рамках субъектов Российской Федерации... Казаки не были именованы в качестве отдельного народа... Сейчас казаки воспринимаются прежде всего как члены общественных организаций... Когда мы говорим, что казачество — это сословие, то вообще непонятно, как это воспринимать. Мы живем во внесословном обществе. В конституции РФ нет такого понятия, как сословие.*»

Да, это новая реальность, с которой необходимо считаться, пытаясь «возрождать казачьи традиции». Главное, что сейчас из этой традиции востребовано государством, — это воинское служение, защита Отечества. И здесь — понятно, какие существуют перспективы.

Но то, что пытаются дополнительно получить от этого процесса часть казачества и некоторые чиновники, вступает в явное противоречие с возможностями российской политической системы. А это, в свою очередь, может навредить благородному делу возрождения казачьих традиций. Подчеркнем, традиций, содержащих в себе огромный государственный потенциал.

Кто-то это противоречие осознает, а кто-то, невзирая на высокую занимаемую должность, не придает этому решающего значения.

Например, 2 августа 2012 года на расширенном заседании коллегии ГУ МВД по Краснодарскому краю губернатор Кубани Александр Ткачев заявил следующее: «*На протяжении последних 10–20 лет мы сознательно поддерживаем казачество, это наша культура, традиции, песни. По большому счету, ведь еще и сто лет не прошло, как на кубанской земле жили казаки. А ведь казаки — это народ, как русские, татары, мордвы и т.д. Это народ, входящий в Российскую Империю. Потом он лишился этого статуса, никто и не претендует на возвращение, но тем не менее...*»

Как видно из приведенных (в этой и предыдущей статье) высказываний, многие пре-

тендуют именно на возвращение статуса «казачьего народа». А выбор символов Кубани, в частности, флага дает повод к неоднозначному толкованию позиции прежней и нынешней краевой власти по данному вопросу.

Флаг Краснодарского края, утвержденный еще в мае 1995 года, повторяет по цвету флаг Кубанской Народной республики. А эта страница истории казачества прямо адресует к возникновению в 1918 году на территории бывшей Кубанской области независимого государственного образования со своими законодательными и исполнительными органами власти.

Несмотря на то, что во внутренней политической борьбе новой республики тогда сталкивались три силы: сторонники «единой и неделимой России», приверженцы федеративного или независимого государства — повестку дня задавали последние.

В 1918 году за присоединение Кубани шло тайное противоборство между Донским правительством и Украиной. Тогда же, по утверждениям атамана Всевеликого Войска Донского (ВВД) генерала П. Краснова, рассматривался и проект нового федеративного государства с участием Кубанской Народной Республики, ВВД и Украинской Державы гетмана П. Скоропадского. С ней конкурировала идея создания Конфедерации казачества, народов степей и горцев Северного Кавказа...

Стремление части кубанских лидеров к отделению от России стало тогда причиной острого конфликта между депутатами Краевой Рады и командующим Добровольческой армии генералом А. Деникиным. Результатами этого противостояния стали расправа с «отделенцами» и (как реакция на это) массовое дезертирство кубанцев из Добровольческой армии.

Весной 1920 года наступление Красной Армии положило конец Кубанской Народной республике. Но обострившиеся во время Гражданской войны конфликты внутри кубанцев, а также между ними и донскими казаками еще долго определяли взаимоотношения и среди казачьей эмиграции, и среди казачьих сообществ России.

Таким образом, в 1995 году, еще во время губернаторства ставленника прежней «партии власти» Е. Харитонова, при утверждении флага Краснодарского края выбрали символ, связанный с теми страницами истории «белого казачества», которые адресуют и к внутреннему расколу среди казаков, и к «сепаратистским идеям».

Странный выбор, не правда ли?

Затем под этим флагом руководил регионом «красный губернатор» Н. Кондратенко. И под этим же флагом продолжает «возрождать казачество» в крае с конца 2000 года нынешний губернатор-единоросс А. Ткачев.

Адресация этого «возрожденческого процесса» уже на начальном этапе именно к «белому казачеству» и фактическое игнорирование при этом тех страниц истории, которые связаны с участием казаков в Гражданской и Великой Отечественной войнах на стороне Красной Армии, заставляет нас обратить внимание на еще один очень значимый сюжет.

Он связан с возвращением на Родину регалий Кубанского казачьего войска (ККВ) и героизацией хранителя этих реликвий, атамана ККВ за рубежом В. Г. Науменко (1883–1979).

После Гражданской войны более 10 тысяч кубанских казаков оказалось в эмиграции. Среди них и член Кубанского краевого правительства по военным делам генерал В. Науменко, отвечавший за хранение переправленных сначала в Европу, а затем в 1949 году в США регалий Кубанского казачества (знамена, штандарты, награды и т.д.).

Возвращение регалий на Кубань (о чем шли переговоры аж с 1990 года, с момента «возрождения казачества» в России) началось в 2006 году, после того как губернатор А. Ткачев выполнил часть требований зарубежной казачьей общины: восстановление

войскового храма и памятника императрице Екатерине... Требование о переименовании краевого центра в Екатеринодар не было выполнено по причине несогласия с этим большинством жителей Краснодарского края.

Не получило всеобщей поддержки в регионе и почитание некоторых лидеров Кубанской Народной республики (в агитации за это почитание принял участие ряд местных историков и представителей власти).

Поклонники Войскового атамана ККВ В. Науменко в качестве аргумента выдвигают тезис о том, что генерал, сохранивший для кубанцев священные реликвии, был «против независимости Кубани» и выступал за «единую и неделимую Россию». При этом они всячески пытаются оправдать сотрудничество своего кумира с фашистами во время Великой Отечественной войны.

Но хорошо известно, что с 1941 года атаман В. Науменко участвовал в формировании добровольческих казачьих подразделений Вермахта, куда входили и откровенные сепаратисты, сторонники независимого государства «Казакция».

С весны 1944 года генерал Науменко служил в Главном Управлении казачьих войск в Берлине, созданном тогда же под руководством бывшего атамана Всевеликого Войска Донского генерала П. Краснова.

На все эти факты современные поклонники атамана В. Науменко — в том числе, из Департамента образования и науки Краснодарского края, — отвечают таким образом: «*Эпизод сотрудничества В. Г. Науменко с вермахтом был ситуативным, ... не связанным с какими-либо активными действиями.*»

Что имеется в виду? То, что казачий атаман сам не вешал и не расстреливал, а «только» формировал воинские подразделения, принимавшие участие в карательных операциях?

«Ситуативное сотрудничество»? Но ведь среди казачьих генералов, находившихся в эмиграции, были и такие, кто не пошел на «ситуативное сотрудничество» с фашистами! Почему местные историки и чиновники популяризируют и славят того, кто воевал на стороне фашистской Германии?

Нынешний атаман Кубанского казачьего войска Н. Долуда так определяет место этого лидера «белого казачества»: «*С именем Вячеслава Григорьевича (Науменко) связано возрождение казачества на Кубани, а вся его жизнь — образец преданности своему делу.*» Это вот такие у нас «герои», выбранные для процесса «возрождения казачества» в России?

А где в этом процессе место тем казакам, которые чтят память своих предков, защищавших свою Родину, СССР от фашистской оккупации? На каких героических примерах основано военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения казаков? Для чего нужно в совершенно новой политической реальности метаться в поисках «национальной самоидентификации» казачества? На защиту какого Отечества готовят нынешние учителя тысячи мальчишек, влюбленных в романтику «вольной казачьей жизни»?

Это вопросы, на которые придется отвечать тем, кто всерьез озабочен возрождением казачьих традиций в России!

Эдуард Крюков

Казачьи из состава немецких войск наблюдают за боем во время подавления Варшавского восстания 1944 года. Фото с сайта uataltit.ru

ВОЙНА ИДЕЙ

Пора отнестись к феномену перестройки не как к местной политической авантюре, а как к фундаментальной опасности для человечества

Порча государственного имущества

Приватизация политических брендов — дело сомнительное и малопродуктивное. Но все же не совсем бессмысленное. В конце концов, мы все живем не в безвоздушном пространстве. Мы дышим воздухом нашей современной, очень скверной истории. В русском языке есть два коварно сходных понятия: «остаться в истории» и «влипнуть в историю». Будущее покажет, к чему окажется ближе все то, что происходит сейчас. Но, не желая влипнуть в чужую «историю», то есть оказаться приклеенными к ней, как мухи к липучке, и, желая сохранить в истории — а это возможно, только если у нас будет своя история — мы должны относиться к происходящему так, будто оно нашей современной истории сопричастно. И верить в то, что коли мы так будем относиться, то оно и впрямь окажется сопричастно ей.

В силу такого нашего состояния, необходимо отделять конкуренцию за «бренды» от уточнения деталей современной войны идей. В интересующем нас вопросе — вопросе запущенной перестройки-2 — это сделать совсем не трудно.

В 2008 году президентом РФ стал Д. Медведев. Вскоре после его избрания к Сергею Кургиняну обратился А. Проханов и предложил написать длинный цикл статей «Медведев и развитие». Проханов был тогда воодушевлен тем, что Медведев заговорил о развитии. Кургинян уже в первых своих статьях сказал о том, что Медведев находится на развилке. Он может или действительно повернуть Россию в сторону форсированного развития, выводя ее из регресса, или разрушить страну, воюя с путинским застоєм под насквозь фальшивым лозунгом «модернизации». То есть стать новым Горбачевым и осуществить перестройку-2. На протяжении чуть не года Кургинян подробно описывал, как именно Медведев дрейфует в сторону перестройки-2.

Еще раз подчеркну, что это был 2008 год. Не умея просто фиксировать дрейф в сторону перестройки-2, Кургинян развернуто разъяснил, что такое перестройка вообще. Данный цикл статей превращен был потом в книгу «Исав и Иаков». Где впервые перестройка была показана как явление системное: метафизическое, концептуальное, культурное, политическое и т. д. В каком-то смысле нынешняя газета «Суть времени» — это развертывание методологии, которая была тогда предложена в связи с пониманием, что пора отнестись к феномену перестройки не как к местной политической авантюре, а как к фундаментальной опасности для человечества.

Итак, Кургинян в 2008 году сказал, что перестройка-2 — это невероятная и историческая, и метафизическая пакость, к войне с которой надо готовиться. И уже тогда начал, по большому счету, подготавливать «Поклонную гору». А Б. Немцов, откликнувшись на этот тезис Кургиняна, сказал, что перестройка-2 — это замечательно, и ее следует осуществить. Сказавши это, Немцов и Ко стали подготавливать «Болотную площадь». В истории ХХI в. мало других примеров такого заблаговременного и системного размежевания, такой подготовки к будущей войне. И, право, не всегда можно понять, нарисовано ли все это «морозом истории» на стекле современности, или же тут решающую роль играет фактор воли. В любом случае, сражения со Сванидзе и Млечиным, конечно же, были схватками, предварающими противостояние Поклонной и Болотной.

Думается, я изложила исторически достоверно все то, что касается введения в оборот термина, уже сейчас определяю-

щего во многом нашу политическую жизнь. И что подобный экскурс не имеет ничего общего с «войной за бренды». В конце концов, не так важно, кто первым сказал «мяу». Важно, что в трансформацию под названием «перестройка» вложены огромные средства, что в ней задействованы мощнейшие силы. Что она имеет глобальный характер. Что частью этого процесса являются и «арабские весны», превращающиеся в «русские зимы», и «оранжевые революции», и так называемое глобальное пробуждение (термин, пущенный в оборот З. Бжезинским). Что на ниве этой самой глобальной перестройки трудятся и Джин Шарп, и Стивен Манн и многие другие.

Одна комичная деталь. Сам термин «перестройка» очевидным образом заимствован горбачевцами у Э. Рязанова, снявшего сильно задолго до перестройки фильм по сценарию А. Галича. Да-да, того самого, который потом стал радикальным диссидентом, а поначалу успел побывать вполне востребованным советским сценаристом. Фильм назывался «Дайте жалобную книгу!». Это был очень коварный фильм. Фильм-аллегория. В нем шла борьба между продвинутыми и отсталыми работниками общепита. Продвинутая работница общепита и влюбившийся в нее молодой журналист хотели превратить затхлый ресторан в современное кафе. И для этого позвали студентов вообще и студент-архитекторов в частности. Студенты-архитекторы быстро нарисовали «как надо» и, засучив рукава, взялись за работу. Ошавший от их наглости бюрократ спросил: «Что вы делаете?!». Они ответили, что осуществляют перестройку. На что он сказал: «Это не перестройка, а порча государственного имущества». Разумеется, бюрократ был омерзитель, а находящийся по другую сторону «здоровые силы» — молодцы, чисты и полны благих помыслов.

Только вот одна деталь. Даже элементарная перестройка кафе (а ведь ни у кого нет иллюзий, будто Рязанов и Галич снимали производственный фильм про перестройку кафе?)... так вот, даже перестройка кафе не может осуществляться по почеркушкам студентов архитектурного факультета. Проект должен быть разработан и утвержден во многих инстанциях. Потом должна быть разработана и утверждена проектно-сметная и иная документация, выделены средства. После этого профессиональная бригада строителей должна взяться за работу и, осу-

ществив ее под неусыпным оком «архнадзора», сдать объект в эксплуатацию. Это скучная, нудная, рутинная процедура. Но если ее нарушить, то посетители окажутся жертвами допущенных нарушений. Потолок обрушится им на голову, из санузла потечет вода и не только, нарушенные санитарные нормы обернутся тяжелыми желудочно-кишечными заболеваниями.

Вряд ли этого не понимали даже авторы фильма. И уж тем более эти вещи понимали горбачевцы, сделавшие заявку на сложную системную трансформацию и назвавшие ее перестройкой. Конечно, молодые энтузиастические студенты не понимали ничего. Но им и не полагается ничего понимать. А вот уже порывистая директор общепита, окончившая профильный институт, прекрасно все понимала. Она сдавала соответствующие экзамены, ей объясняли, что за такого рода затею она может получить тюремный срок. И не только может, но и должна! Мне скажут, что она влюбилась в молодого журналиста, а молодой журналист влюбился в демократическую идею, а идея... Но я не хочу так далеко идти в развитии образа, предложенного Рязановым и Галичем. Этак окажется, что у молодого журналиста есть куратор в «органах», а у куратора есть международный партнер... мало ли еще куда приведет опасные ассоциации!

Начав с ассоциаций, я всего лишь хотела обратить внимание читающих на то, что и Рязанов, и Галич делали фильм не об общепите вовсе. И что Галич, по крайней мере — использовал тему перестройки кафе как очень далеко идущую политическую метафору. А еще я хотела обратить внимание на казус с документацией и «порчей государственного имущества». Нет, не в смысле элементарного назидания. Мол, нельзя все делать с бухты-барахты. Ибо такое с бухты-барахты может кончиться идиллией только в кино, в жизни оно кончается большой бедой. При всей важности подобного назидания, намного важнее другое. Была ли на самом деле в нашем перестроечном процессе необходимая документация? Существовала ли профессиональная архитектурно-строительная фирма, которая передавала «студентам» полноценную документацию, избавляя их от необходимости и доучиваться, и брать грех на душу, и отвечать за последствия?

Такая фирма, очевидно, была. Точнее, было сразу несколько фирм, но наиболее известная называлась «АСУ-Перестройка». Я имею в виду очень профессиональное подразделение, действовавшее в ближайшей окрестности КГБ СССР, фактически внутри данного ведомства. С тех пор прошло не одно десятилетие, но никто не хочет обсуждать этот исторический сюжет, его героев, их реальные разработки. Все это лежит под спудом в архивах. Почему? Столько всяких тайн обнаружено за это время. Да что там сусальные конспирологические тайны, выдаваемые на потребу малообразованной публике! За прошедшие десятилетия (!) вытаскано на свет много и впрямь ценнейшей архивной документации. Но ЭТА документация — остается под спудом. И тут может быть только одно объяснение: перестройка продолжается. Она не завершена. Она осуществляется на паях и в рамках суперкрупного глобального проектного начинания.

Говоря об «АСУ-перестройка», вовсе не хочу абсолютизировать это подразделение. Структур было много. Разные члены Политбюро занимались проектированием перестройки на паях с разными международными партнерами. Андропов взаимодей-

ствовал с одними европейскими партнерами, Косыгин — с другими. Ровно тем же, как это кому-то ни покажется странным, занимался и псевдоортодоксальный идеолог коммунизма Сулов, якобы боровшийся против андроповской идеи перестройки. Иногда мяч перебрасывался от одного члена Политбюро к другому. Косыгин начал диалог с Линдоном Джонсоном и его советником М.-Д. Банди. Этот диалог, начавшийся в 1967 г. в Гласборо, был аккуратно перехвачен Суловым. Которого и впрямь торпедировал Андропов, осуществлявший свой международный диалог — через Гвишиани, Аньелли, связанного с Аньелли Палена... Перестроечные траектории сплетались (Гвишиани был зятем Косыгина и, в каком-то смысле, представлял в номенклатуре интересы остатков группы Берии) и одновременно воевали за право быть главным маршрутом, по которому покатится под откос поезд «развитого социализма». Клясться в верности остальным им всем одинаково сильно осточертело. Впрочем, подробный разбор таких сюжетов в газете невозможен.

А вот что возможно, это сразу поместить тему перестройки — о необходимости завершения которой (даешь перестройку-2!) все сейчас дружно заговорили — в правильный, соответствующий ее масштабу глобальный контекст. В связи с чем, позволю себе обратиться к книге А. Канфоры «Демократия. История одной идеологии». Историк Лучано Канфора, рассматривая новую историю Европы, говорит, что она развернута между двумя датами-эмблемами, которые должны «помочь отыскать в ней смысл или даже составить некий промежуточный эпизод». Он обращает внимание на то, что разные авторы называют разные пары дат, и это совсем не случайно, а соответствует двум принципиально различным концепциям истории. С разными делениями и периодизациями: первая пара — 1789/1917, вторая — 1789/1989.

«В первом случае мы имеем идею движения в каком-то направлении с целью добиться лучшего. В основе ее лежит понятие об историческом характере всех политических форм, включая «парламентскую демократию». Во втором случае — взгляд или, если угодно, идеологию, построенную на исконном, вневременном превосходстве «парламентской демократии», и убеждения в том, что в задаче всех народов входит раньше или позже достигнуть этой великой цели, начинающей с народов Европы, где и родилась такая модель на все времена. Согласно такой перспективе, все, что происходило между установлением модели парламентского строя (пусть еще несовершенной) по окончании четверти века, заключенной в рамки 1789–1815 годов, и ее подлинной победой в 1989 году, не что иное, как «отклонение», временное затмение. С «лучезарным» двухсотлетним юбилеем не только история, но и политическое моделирование приходят к своему завершению».

То есть, речь об отношении в принципе к социальной борьбе после установления буржуазного порядка. Признается ли возможным дальнейший поиск человечеством путей своего развития или «рецепт счастья» известен, ХХ век — век мощнейших социальных преобразований и идейного противостояния «коммунизм-фашизм» — был последним (неприятным) «выкрутасом» истории, а перестройка, наконец-таки, всё устаканила? Согласитесь, предельное историческое значение придают нашей перестройке!

Мария Мамиконян

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 09 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С.Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции: Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», Ревпроспект, д. 80/42, г. Подольск, Московская обл., 142100

Заказ № 1091
№9 (9) от 19.12.2012
Время подписания в печать: по графику — 10:00, фактическое — 10:00
Тираж 10000
Цена свободная